

94(5)
У.-29

VIVAT ACADEMIA.

ИЗДАНИЕ

Студентовъ Восточнаго Института.

Содержаніе:

	СТР.		СТР.
«Мы выступаемъ въ свѣтъ!» Стих. А. Ф.	1	Бадарчины, Г. Ц.	34
Война и студенчество	2	Свѣтлой памяти товарища В. П. Баданина. Х. А—ди	36
Рекордъ предательства. Х. Андреади.	5	Военные мотивы современной японской поэ- зіи. Е. Спальвинъ	37
Изъ путевыхъ впечатлѣній. Проф. Н. Кюлеръ	9	Очередная задача краевѣдѣнія. А. Гребен- щиковъ	38
«Живи живое». Стих. Л. Малохиенко.	13	Больные вопросы приморской деревни. И. Боровскій,	42
Душа народа. К. Андрущенко	14	Нѣсколько словъ о золотопромышленности въ Приамурьѣ. А. Фридендеръ	44
«Лишь только въ небѣ старыя Зодчій». Стих. Бор. Г—невъ.	27	Брыгаги пера	46
Семейныя отношенія въ Китаѣ. Э. Лабербисъ	28	Объявленія	47
Этнографія Дальняго Востока. Проф. П. Шмидтъ	30		
Изъ дневника. Стих. Бор. Г—невъ.	31		
Въ Хулунбуурѣ. Б. Панкратовъ	32		

21 Октября 1915 года.

Половина чистаго сбора съ изданія поступитъ въ Городской Комитетъ по сбору пожертвованій на нужды раненыхъ и больныхъ воиновъ и семействъ призванныхъ и въ школьный фондъ для дѣтей бѣженцевъ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типографія Восточнаго Института.

ОБЩЕСТВО

ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НЕДОСТАТОЧНЫМЪ СТУДЕНТАМЪ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА ПРЕДЛАГАЕТЪ

изъ числа нуждающихся студентовъ Института опытныхъ преподавателей
и репетиторовъ по всѣмъ предметамъ курса средне-учебныхъ заведеній.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА

на званія: вольноопредѣляющагося 1 и 2 раз-
рядовъ, классный чинъ, народнаго учителя,
аптекарскаго ученика и т. д.

Переводы съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, какъ дѣ-
ловыхъ бумагъ и корреспонденцій, такъ и спеціальныхъ литературныхъ
и техническихъ работъ.

БЮРО ПЕРЕВОДОВЪ

съ китайскаго, японскаго, корейскаго, монгольскаго и маньчжурскаго
языковъ.

У С Л У Г И

при дѣловыхъ сношеніяхъ со странами и народностями Дальняго Востока.
Общественнымъ, административнымъ и торгово-промышленнымъ
учрежденіямъ студенты рекомендуются на вечернія занятія въ
качествѣ счетоводовъ, секретарей, письмоводителей, контролеровъ
и т. п.

ОБРАЩАТЬСЯ КЪ СЕКРЕТАРЮ ОБЩЕСТВА
лично, письменно или по телефону.

Владивостокъ, Восточный Институтъ, телефоны 346 и 878.

Библиотеке им. Семьи Полевых
от Лейды С. Полевой, Салт Лайк Сити
Юта, США
в наилучших пожеланиях.

94 (5)

V - 73

Vivat Academia.

ДАР
Л. ПОЛЕВОГО

Мы выступаемъ въ свѣтъ!.. Походкой осторожной
Идемъ впередъ журнальною тропой...
Какъ бѣденъ путь крутомъ, пейзажъ весь придорожный,
Какъ пахнетъ все крутомъ былою стариной.
Гдѣ тѣ ручьи, что потекли свободно.
Гдѣ тѣ цвѣты, что стали расцвѣтать,
Гдѣ тѣ дубы, что гордо, благородно
Стремилась къ небесамъ, чтобъ жизни смыслъ понять?..
Увы!.. Цвѣты покоятся подъ снѣгомъ,
И смятъ ручьи, окованные льдомъ,
А гордые дубы, пустивъ уже побѣги,
Подъ острымъ пали топоромъ.
Но не смущайтесь вы, не надайте душою:
Весна когда нибудь вернется снова къ намъ,
Вновь потекутъ ручьи, и пестрою канвою
Цвѣты заблещутъ по лунамъ...

А. Ф.

16774 (1152 p ф)

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

ГЦ ФОНД
РЕДКИХ КНИГ

ГЦ Историко-
краеведческий
отдел

Война и студенчество.

Въ настоящее время тяжелаго испытанія для нашей великой родины и коренной переоцѣнки всѣхъ признанныхъ и освященныхъ старыми традиціями общественныхъ и историческихъ цѣнностей, да позволено будетъ и намъ, небольшой горсти студентовъ В. И., сказать нѣсколько словъ по поводу настоящаго грознаго момента и по поводу той, хотя сравнительно небольшой, но въ общемъ цѣломъ, важной по значенію общественной и государственной работы, которую выполняетъ въ настоящей великой войнѣ русское студенчество вообще и студенты В. И. въ частности.

Было время и, къ нашему крайнему сожалѣнію, оно еще не миновало, когда въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества относительно нашего студенчества существовали двѣ рѣзко-противоположныя точки зрѣнія.

Въ то время, когда одна часть этого общества считала русское студенчество извѣстной общественной и культурной силой, смотрѣла на него, какъ на символъ, — внѣшнее выраженіе народной совѣсти, другая, болѣе многочисленная, видѣла въ немъ только одно плохое.

Достаточно сказать, что всѣ массовыя антикультурныя проявленія недавняго прошлаго эта часть общества неизмѣнно связывала съ участіемъ студенчества.

Чтобы это утвержденіе не было голословнымъ, мы можемъ привести массу фактовъ, но вызывать старыхъ духовъ идейной розни русскаго общества совершенно не въ интересахъ настоящаго вопроса, и мы обошли бы ихъ молчаніемъ, если бы и до настоящаго времени то здѣсь, то тамъ не раздавались эти брюзжащіе и злобные голоса.

Нужно сознаться, что въ общемъ характерѣ нашего общественнаго быта студенчество и по настоящее время не нашло себѣ объективной оцѣнки.

И если такое положеніе является характернымъ для нашихъ обѣихъ столицъ, то что мы можемъ сказать о Владивостокѣ, отстоящемъ отъ культурныхъ центровъ русской жизни на тысячи верстъ?

Къ сожалѣнію, относительно нашего студенчества преобладаетъ именно это предубѣжденіе, для внутренняго оправданія котораго эти «идейные» противники студенчества выдумываютъ рядъ неслыханныхъ обви-

нений, а въ большинствѣ случаевъ ограничиваются только ходячими «междометіями».

Но современная дѣйствительность наглядно показала всю несостоятельность указанныхъ обвиненій, а о «междометіяхъ», конечно, не стоитъ и говорить, ибо, по остроумному замѣчанію Д. С. Милля, «междометія—это единственная форма доказательствъ, которую очень трудно опровергнуть».

Въ частности на владивостокское студенчество въ средѣ этой крайне живучей и специфической по взглядамъ части общества, говоря житейскимъ языкомъ, «повѣшено также много собакъ».

Трудно сказать, до какого времени продолжалось бы это предубѣжденіе противъ студенчества, если-бы передъ всѣмъ русскимъ обществомъ не всталъ во всемъ своемъ отвратительномъ величій призракъ кровавой войны, потрясшей всѣ стороны нашего общественнаго быта.

И вотъ, передъ лицомъ надвинушагося на насъ бѣдствія, русское студенчество, а вмѣстѣ съ нимъ и студенчество нашего Института доказало еще разъ, что указанная точка зрѣнія нашихъ противниковъ являлась плодомъ или сознательнаго и злого умысла или рокового недомыслия.

Вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ съ невиданнымъ одушевленіемъ устремилось навстрѣчу дерзкаго и злобнаго врага также и русское студенчество.

Тысячи студентовъ отправились на фронтъ по набору, тысячи вступили въ армію добровольцами, тысячи пополнили кадры санитаровъ, работая, большею частью, на передовыхъ по-

зиціяхъ, десятки тысячъ работаютъ въ «тылу» на нужды обороны и на всѣ стороны нашей жизни, тѣсно связанныя съ войной.

Въ настоящее время мы видимъ наше студенчество въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ, вплоть до станціонныхъ грузчиковъ, трамвайныхъ кондукторовъ, возчиковъ; причемъ, въ такихъ обширныхъ дѣловыхъ центрахъ, какъ Москва, ввиду нехватки рабочихъ рукъ для «черной» работы, студенчество выставило тысячи чернорабочихъ, работая по 8—10 часовъ въ сутки.

Что это была и есть «подлинная» работа, а не «игра въ работу», достаточно привести отзывъ очевидца этой работы, сотрудника газ. «Рѣчь», который говоритъ слѣдующее:

«Когда была впервые высказана мысль воспользоваться студенческимъ трудомъ въ интересахъ скорѣйшаго ослабленія московскаго бездровья, для разрѣшенія кризиса, который упорно не желаетъ сдаваться ни на какія капитуляціи, отыскиваетъ себѣ все новыя лазейки среди принимаемыхъ противъ него мѣръ,— это было встрѣчено очень недовѣрчиво, ироническимъ смѣшкомъ. Мало ли что можно сочинить въ часы, когда не спится и играетъ фантазія... Да и потомъ, когда иронія была побѣждена, мысль превратилась въ дѣло, когда московскіе студенты вооружились кожаными рукавицами и стали на работу, скептическое отношеніе держалось. Конечно, милый, симпатичный порывъ юности, отлично рекомендующій нашу студенческую молодежь, но, всетаки, только праздная затѣя, игра, не очень соответствующая угрожающей серьезности момента. Теперь, вѣроятно,

тюркского племени, переселившийся въ VI вѣкѣ на берега Дуная, слившийся тамъ съ славянами и образовавшій Болгарское царство, онъ и до сего времени сохранилъ въ своей массѣ типическія черты родственныхъ ему азіатскихъ племенъ; мстительность, жадность и непомерную жестокость, если на его сторонѣ сила, — подхалимство и холуйскую покорность раба, гнущаго шею передъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ палка. Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ весной 1875 года отозвалось и въ Болгаріи въ формѣ частичныхъ вспышекъ въ этомъ и въ слѣдующемъ году, но онѣ были въ короткое время подавлены, вслѣдствіе предательства со стороны самихъ же болгаръ. Дикая расправа башибузуковъ съ мирнымъ населеніемъ вызвала протестъ лучшихъ людей Европы съ Гладстономъ во главѣ, а въ слѣдующемъ 1877 году началась русско-турская война. Незабвенный манифестъ Императора Александра II, возвѣщавшій о страданіяхъ братскаго народа и исторической миссіи Россіи, нашель живой откликъ въ сердцахъ всего населенія. Война была понята и принята, какъ обязанность, возложенная на насъ самимъ Провидѣніемъ, на войну шли, какъ на подвигъ.

Широкимъ алымъ потокомъ полилась кровь 200.000 русскихъ воиновъ, павшихъ въ борьбѣ за свободу Болгаріи, и тысячи русскихъ богатырей въ солдатскихъ шинеляхъ были занесены снѣгомъ на Шипкѣ. А Горный Дубнякъ, а Плевна, всѣмъ памятная Плевна?!

Кровь стынеть въ жилахъ при мысли, что дѣти освобожденныхъ тридцать восемь лѣтъ назадъ рабовъ объявили теперь войну Россіи и бу-

дутъ стрѣлять въ тѣхъ, отцы которыхъ дорогой цѣной, цѣной жизни избавили болгаръ отъ турецкаго ярма. Болгары, напуганные опытами предыдущихъ двухъ лѣтъ, не оказали намъ въ этой войнѣ сколько-нибудь замѣтнаго содѣйствія, и всю тяжесть ея вынесла на своихъ плечахъ Россія. Закончилась она, какъ извѣстно, Санъ-Стефанскимъ миромъ. Плоды побѣды русской арміи наша дипломатія и правящіе круги, позабывъ собственные интересы и интересы другихъ балканскихъ народностей, использовали лишь на то, чтобы создать «великую» Болгарію, отъ Чернаго моря до Эгейскаго, мы же получили Карсъ и Батумъ съ незначительной береговой полосой. Берлинскій конгрессъ внесъ, при содѣйствіи «честнаго маклера» — Бисмарка и по настоянію Англии, значительныя измѣненія въ текстъ Санъ-Стефанскаго договора, тѣмъ не менѣе, главная цѣль была достигнута: были разорваны цѣпи пятивѣкового рабства, и Болгарія стала свободной страной, номинально лишь подчиненной султану. Великое народное собраніе, избранное на основаніи конституціи, введенной при содѣйствіи Россіи, избрало въ 1879 году Александра Баттенберга княземъ Болгаріи. Я не имѣю возможности касаться здѣсь причинъ, заставившихъ его отречься впоследствии отъ престола, замѣчу только, что уже въ ту пору появились на Божій свѣтъ первые ростки болгарской «признательности и благодарности» — выступили на сцену знаменитый «палочникъ» Стамбуловъ и нынѣшній премьеръ Радославовъ, обнаружившіе непримиримую вражду къ Россіи и всѣми силами старавшіеся направить

политику Болгаріи въ австрійское русло.

Въ 1887 году къ болгарамъ прибылъ поручикъ австрійской службы, Фердинандъ Кобургскій. Начало его княженія не сулило ему ничего хорошаго: Европа не признала его, и въ день его въѣзда въ Софію ее покинули представители великихъ державъ. Разрывъ официальныхъ сношеній между Россіей и Болгаріей продолжался до 1896 года, когда нашлась почва для примиренія въ формѣ присоединенія наслѣдника Бориса къ православію и приѣзда Фердинанда въ Петроградъ. Прошлое какъ бы было забыто. Спусти двѣнадцать лѣтъ, въ 1908 году, вспыхнула младотурецкая революція. Воспользовавшись внутренними неурядицами въ Турціи, князь Фердинандъ порвалъ послѣднія нити, связывавшія Болгарію съ этой страной, и, особымъ манифестомъ, объявилъ себя царемъ. Турція оцетинилась. Въ воздухѣ запахло порохомъ, и лишь энергичное вмѣшательство Россіи предвратило войну, которая, при подобномъ неравномъ единоборствѣ, окончилась бы, вѣрнѣе всего, разгромомъ Болгаріи. Гроза пронеслась мимо. Вторая балканская война у всѣхъ еще на памяти. Мегаломанія болгаръ и мечты о верховенствѣ на Балканахъ толкнули ихъ на войну со своими союзниками, сербами и греками, съ которыми они такъ успѣшно изгоняли съ полуострова османовъ. Но предательское, безъ объявленія войны, нападеніе болгаръ 16 іюня окончилось не такъ, какъ они ожидали. Послѣ первыхъ же дней, греко-сербскія войска нанесли противнику одно пораженіе за другимъ и въ дальнѣйшемъ имѣли передъ со-

бой послѣдно отступавшаго въ безпорядкѣ врага. И опять Россія приняла на себя роль болгарскаго громоотвода и лишила болгаръ «удовольствія» видѣть у себя, въ предѣлахъ своей страны, войска побѣдителей.

Вотъ все, что сдѣлала для Болгаріи Россія. Теперь прослѣдимъ поведеніе болгаръ въ настоящей войнѣ. Съ момента присоединенія Турціи къ Германіи и Австріи болгарскія желѣзныя дороги начали безостановочно перевозить для войскъ султана, подъ видомъ «консульскихъ посылокъ», — правда, иногда слишкомъ громоздкихъ, — все то, что нужно для веденія войны: патроны и снаряды, пушки и пулеметы, аэропланы и подводныя лодки. Машинъ черезъ Болгарію было перевезено столько, что теперь въ Константинополѣ работаетъ филиальное отдѣленіе Крушпа. Слѣдуетъ ли упоминать о тѣхъ инструкторахъ-нѣмцахъ, проѣзжавшихъ черезъ Болгарію въ Турцію, о которыхъ кабинетъ Радославова увѣрялъ посланниковъ Согласія, что это мирные туристы, неизвѣстно по какой причинѣ вздумавшіе совершать вояжъ Берлинъ—Стамбуль. Такъ продолжалось годъ, и только мѣсяць тому назадъ, когда Болгарія окончательно раскрыла свои карты и произвела мобилизацію своей арміи, чтобы напасть на Сербію, ей былъ предъявленъ ультиматумъ, на который она дала болѣе чѣмъ циничный отвѣтъ. Теперь, послѣ недавняго нападенія на Сербію, Болгарія открыто стала на сторону нашихъ враговъ. Россія объявила войну Болгаріи, Болгарія—Россіи. Какая злая насмѣшка судьбы!

Печальная дѣйствительность не-

вольно заставляеть вернуться къ недавнему прошлому, ко временамъ освободительной войны. Съ тѣхъ поръ прошло всего-навсего тридцать восемь лѣтъ. Промежутокъ—даже при нашей кратковременной жизни недолгій. Еще не успѣли истлѣть кости павшихъ во, вражеской отнынѣ, странѣ героевъ, еще многіе участники кампаніи живы, а болгары успѣли забыть все и вся и идутъ уже каиновой стезей. Предали забвенію то, что груды труповъ русскихъ воиновъ добыли имъ высшее благо на землѣ—свободу!

Говорять, что болгарскій народъ терроризованъ, но если смерть страшна, то позоръ еще страшнѣе, и сможетъ ли перенести его болгарскій народъ? Кто же такіе болгарскіе офицеры, —большинство которыхъ вышло изъ русскихъ военныхъ училищъ и академій—съ распростертыми объятіями принимающіе въ свою среду германскихъ офицеровъ, которые повели ихъ уже противъ сербовъ и поведутъ, въ случаѣ надобности, и противъ насъ,—какъ не плоть отъ плоти и кость отъ кости этого народа? А что сказать о болгаряхъ—студентахъ, обучавшихся за-границей и у насъ въ Россіи,—о «совѣсти народа»,—которые не бѣгутъ отъ этой родины, а спѣшатъ туда, чтобы принять участіе въ братоубійственной войнѣ? А тѣ немногіе органы болгарской печати, которые чутъ

не до вчерашняго дня считались руссофильскими, руководители которыхъ Малиновъ, Даневъ, Гешовъ, взапуски другъ передъ другомъ, афишировали свою приверженность къ Россіи,—въ лучшемъ случаѣ молчатъ, въ худшемъ,—какъ это дѣлаеть «Препорець»,—отрекаются отъ своей прежней программы и агитируютъ за то, чтобы правительству не ставилось препятствій на пути завершенія «національныхъ чаяній». Каждый народъ заслуживаетъ то правительство, которое имѣеть, и болгары вполне оправдали это. Вопросы чести и порядочности и приемы «реальной» политики сплошь и рядомъ оказываются на разныхъ полюсахъ, а болгары показали себя реальными политиками до мозга костей. Эта «реальная» политика толкнула Болгарію поднять руку на свою освободительницу, она же послужитъ причиной крушенія болгарскихъ надеждъ. Русскій народъ умѣеть любить, но онъ же умѣеть и ненавидѣть. Змѣя, согрѣтая у него на груди и нынѣ собирающаяся его ужалить, должна быть раздавлена. «Для Россіи Болгаріи уже не существуетъ»—таковы послѣднія слова резолюціи славянскаго комитета. И его взглялъ раздѣляетъ вся страна. Настанетъ конецъ войнѣ, придетъ и чередъ расплаты. «Братушки» получаютъ по заслугамъ.

Х. Андреади.

Изъ путевыхъ впечатлѣній.

Мирный захватъ китайцами иностранныхъ поселеній въ Шанхаѣ.

Лѣтомъ этого года пишущій настоящія строки имѣлъ возможность, послѣ почти 15-лѣтняго перерыва, посѣтить Шанхай. Вслѣдствіе европейской войны, видѣть этотъ городъ и его портъ на высотѣ достигнутого имъ развитія міровой торговли не удалось, но тѣмъ рѣзче обнаруживалась, даже при поверхностномъ наблюдѣніи, другая особенность современнаго положенія иностранныхъ поселеній здѣсь: растушіе земельные захваты въ нихъ со стороны китайцевъ, наряду съ поглощеніемъ ими мѣстной дѣловой жизни и возростаніемъ ихъ участія въ міровой торговлѣ порта. Въ данномъ случаѣ лишь проявилась со всей очевидностью экономическая мощь китайскаго народа, не затронутая даже двумя революціями и хроническими смутами въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и, въ особенности, послѣднихъ 15 лѣтъ; но въ меньшей мѣрѣ въ этомъ сказалась и замѣчательная способность китайцевъ примѣняться къ новымъ окружающимъ условіямъ—природнымъ и инымъ, при сохраненіи почти въ неприкосновенности національной индивидуальности, способности, которая составляетъ такую силу этого народа и позволяетъ ему трудиться одинаково успѣшно во всѣхъ климатахъ и всѣхъ странахъ, въ любой политической и культурной обстановкѣ. Эти соображенія побуждаютъ удѣлить нѣсколько большее вниманіе сравнительно частному случаю, нынѣ наблюдаемому въ Шанхаѣ.

Краткія статистическія данныя, приводимыя ниже, помогутъ наглядно изобразить быстрый ростъ китайскаго населенія въ иностранныхъ поселеніяхъ Шанхая за минувшіе 15 лѣтъ и его преобладанія надъ иностраннымъ элементомъ. Къ 1900 г. это населеніе достигло уже 346,276 душъ противъ 6,774 иностранцевъ; но въ этомъ году, подъ вліяніемъ боксерскаго возстанія и вызванной имъ кампаніи иностранныхъ экспедиціонныхъ войскъ на сѣверѣ страны, произошло массовое бѣгство изъ Шанхая 80,000 китайскихъ жителей; возможной причиною подобнаго бѣгства послужила боязнь репрессій со стороны иностранцевъ за насилія надъ ихъ соотечественниками въ другихъ частяхъ страны или ожиданіе переноса театра военныхъ дѣйствій къ Шанхаю. Какъ бы то ни было, уже въ слѣдующемъ году всѣ опасенія этого рода миновали и вызванная ими убыль китайскаго населенія стала быстро пополняться, послѣ чего начался еще болѣе быстрый ростъ его. Черезъ 10 лѣтъ, по переписи 15 октября 1910 г., численность китайскаго населенія международнаго селенія достигла 488,005 душъ (въ 1905 г.—452,716 д.) и иностраннаго—13,536 д. (въ 1905 г.—11,497 д.); въ отношеніи послѣдняго, увеличеніе было вызвано главнымъ образомъ притокомъ японцевъ, съ повышеніемъ численности ихъ съ 2,157 д. въ 1905 г. до 3,713 д. въ 1910 г.¹ По

¹) Впрочемъ, газета «Shanghai Times» тогда же высказала догадку, что дѣйствительная чис-

переписи, произведенной накануне (14 октября 1910 г.) во французской концессии, численность населения здѣсь оказалась 114,470 д. для китайскаго населенія (95,132 д. въ 1905 г.) и 1476 д. для иностраннаго (831 д. въ 1905 г.). Общая численность китайскаго населенія междунаго селенія и французской концессии, взятыхъ вмѣстѣ, по даннымъ указанной переписи, была, слѣдовательно, 602,475 душъ противъ 15,012 д. иностранцевъ. Какъ нетрудно видѣть изъ сравненія данныхъ всѣхъ трехъ переписей, ростъ населенія иностранныхъ поселеній Шанхая между 1905 г. и 1910 г. шелъ медленно, какъ въ отношеніи иностран. населенія—приростъ 4,039 д. за пятилѣтіе, такъ и въ отношеніи китайскаго—35,389 д., противъ соответствующихъ цифръ прироста—4,723 д. иностранцевъ и 107,440 д. китайцевъ за предшествовавшее пятилѣтіе съ 1900 по 1905 г.

Одновременно, возросло и населеніе сѣдняго китайскаго города, при чемъ скорѣе, чѣмъ въ любомъ другомъ китайскомъ городѣ.

Со времени революціи 1911—1912 гг. внутрення смуты и народныя бѣдствія (засухи и наводненія) заставили множество народа переселиться въ китайскій городъ и иностранныя поселенія Шанхая, въ поискахъ безопасности и мирнаго заработка. По новѣйшимъ (1915 г.) китайскимъ даннымъ, количество жителей на территоріи полицейскихъ управленій только китайскихъ Шанхая и его приморскаго пригорода Усуна, т. е. безъ иностранныхъ поселеній, было 585,700 душъ, а по болѣе раннимъ (отъ осени 1913 г.) китайскимъ же даннымъ, все населеніе какъ китайскаго города, такъ и иностранныхъ поселеній Шанхая, съ прилегающими селеніями, исчислялось въ 1,173,639 душъ, изъ чего можно заключить, что одно китайское населеніе иностранныхъ поселеній Шанхая нынѣ приближается къ 650,000 д.

Вмѣстѣ съ ростомъ китайскаго населенія происходило и поглощеніе имъ торговли и судоходства и иныхъ экономическихъ ресурсовъ иностранныхъ поселеній

ленность японской колоніи въ Шанхай значительно выше данныхъ переписи и доходитъ до 9.000 д., что увеличивало численность всего иностраннаго населенія до 19,000 д.

Шанхая и вытѣсненіе иностранцевъ изъ этихъ сферъ дѣятельности, какъ и съ прежнихъ мѣстъ жительства. Въ нѣкоторыхъ частяхъ междунаго селенія (напр. въ сѣверномъ округѣ) иностранцы были принуждены уступить нашествію въ ихъ дома китайцевъ и японцевъ и переселиться въ другія части селенія, главнымъ образомъ загородныя. Попутно съ этимъ рѣзко измѣнился и самый обликъ центрального ядра иностранныхъ поселеній, гдѣ взамѣнъ прежнихъ однообразныхъ китайскихъ строеній появлялось все болѣе высокихъ и массивныхъ каменныхъ зданій, устроенныхъ на современный ладъ, или магазиновъ и торговыхъ конторъ, оборудованныхъ изъ желѣза и стали. Среди состоятельныхъ китайскихъ классовъ за послѣдніе годы создалась мода селиться въ домахъ иностраннаго типа, и такіе дома, наиримѣрь, кругомъ скаковаго поля, нынѣ почти сплошь заняты китайцами и въ этомъ сосѣдствѣ съ поразительной быстротою растетъ новый бойкій китайскій кварталъ. Но строительная горячка охватила и другія части европейскаго города, будучи также слѣдствіемъ китайскаго «нашествія».

Число вновь построенныхъ въ теченіе 1914 г. въ Шанхай домовъ и торговыхъ помѣщеній, заводовъ и т. д. превысило итоги всѣхъ прошлыхъ лѣтъ; несмотря на войну, это оживленіе строительной дѣятельности продолжалось и въ 1915 г. Однако, столь очевидный признакъ процвѣтанія и роста города начинаетъ внушать основательную тревогу европейской колоніи, какъ доказываютъ статьи въ журналѣ North-China Herald, отъ 3 и 17 апрѣля, подъ заголовкомъ: Китайское нашествіе на Шанхай, ибо наблюдаемый нынѣ строительный подъемъ знаменуетъ собою лишь окончательное вытѣсненіе иностранцевъ изъ центральныхъ частей города и быстро растущее вторженіе китайцевъ въ западный округъ, ранѣе исключительно заселенный иностранцами. Нынѣ наблюдаемая строительная горячка вызвана почти цѣлкомъ китайской спекуляціей и воздвигаемые за послѣдніе 1½—2 года дома предназначены почти исключительно для китайцевъ. Уже теперь въ предѣлахъ междунаго селенія ¾ всей земли принадлежитъ китайцамъ и скупка ими земли продол-

жаются благодаря притоку богатыхъ китайцевъ, искавшихъ здѣсь во время революціи убѣжища и предпочтительно помѣщающихъ свои капиталы въ земельныя предпріятія. Недалеко время, когда иностранная доля землевладѣнія въ Шанхаѣ сократится до ничтожнаго размѣра. Въ видахъ прибыльнѣйшаго использования своихъ участковъ китайскіе владѣльцы строятъ на нихъ дома китайскаго или полуиностранныя типа, съ обеспеченной высокою доходностью (въ исключительныхъ случаяхъ до 30—40% на капиталъ) вследствие усиленнаго спроса на помѣщенія—жилыя и торговыя, со стороны китайскихъ бѣженцевъ, которые въ смутные годы революціи стекались тысячами въ Шанхай и здѣсь остались на постоянное жительство. Поэтому спекуляція занялась этимъ родомъ построекъ, которыя заполнялись жильцами, какъ только бывали закончены; насколько успѣшны дѣйствія этихъ предпринимателей, доказываетъ быстрота, съ которой застраивается небольшими китайскими домами все свободное пространство около сѣвернаго вокзала, какъ-разъ за чертою селлемента. По сравненію съ домами для китайцевъ, самый скромный домъ для иностранца съ садикомъ занимаетъ много мѣста, а земля даже въ пригородахъ Шанхая, гдѣ предпочтительно нынѣ селятся иностранцы, цѣнится дороже, чѣмъ во многихъ лондонскихъ пригородахъ¹. Поэтому спекулянты избѣгаютъ строить такіе дома, и квартирный вопросъ для иностранцевъ въ Шанхаѣ обостряется съ каждымъ годомъ по мѣрѣ роста иностраннаго населенія.

Благодаря притоку китайцевъ въ международный селлементъ, нынѣ здѣсь найдется немного кварталовъ, даже въ западномъ округѣ, исключительно населенныхъ иностранцами, и это движеніе китайцевъ въ ранѣ свободныя отъ нихъ мѣстности ускорится съ каждымъ годомъ. Нынѣ много лучшихъ иностранныхъ домовъ въ западномъ округѣ нанимается или куплено богатыми китайцами (бывшими министрами или генералъ-губернаторами, бывшими вожаками революціи или свободомыслящими

¹) Какъ примѣръ дороговизны земли въ Шанхаѣ, можетъ служить, что на набережной международного селлемента одинъ му (1/16 десятины) расцѣнивается до 250,000 ланъ.

литераторами), которые въ увлеченіи модою не останавливаются передъ дороговизною такихъ домовъ; нѣкоторые изъ нихъ даже построены самими китайскими владѣльцами. Однако, рядомъ съ этими пышными обиталищами вырастаютъ съ той же быстротою въ этомъ аристократическомъ округѣ и обычныя убогія китайскія постройки, состоящія изъ лавокъ или жилыхъ помѣщеній, съ неизбежными спутниками ихъ—скученностью и пренебреженіемъ гигиеническими требованіями; нѣкоторыя улицы здѣсь на протяженіи цѣлыхъ кварталовъ заняты такими постройками и приобрѣли типичный китайскій обликъ, другія, не такъ давно населенныя исключительно иностранцами, также подверглись китайскому нашествію, особенно сильному въ новыхъ промышленныхъ районахъ Шанхая.

Если вытѣсненіе иностранцевъ будетъ продолжаться и впредь, то черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ предсказываютъ дальновидные люди, иностранцы не удержатъ за собой ни одной сколько-нибудь значительной городской части. Въ настоящее время многіе изъ нихъ принуждены искать себѣ подходящее жилище за 5 или 6 верстъ отъ дѣловаго центра, а въ будущемъ китайское нашествіе заставитъ ихъ уйти еще дальше, тѣмъ болѣе, что намѣченное расширеніе площади международного селлемента (см. Peking Gazette, 9 марта 1915) дастъ полную возможность къ тому. Администрація французской концессіи уже пытается бороться съ китайскими захватами во избѣжаніе иностраннаго квартирнаго кризиса и съ этой цѣлью отвела часть территоріи концессіи для исключительнаго проживанія иностранцевъ и постановила не допускать на извѣстномъ разстояніи отъ набережной никакихъ другихъ построекъ, кромѣ первоклассныхъ иностранныхъ магазиновъ и конторъ.

Столь очевиднымъ образомъ выражается нынѣ растущій захватъ китайцами иностранныхъ поселеній въ Шанхаѣ; однако, какъ сказано, онъ не останавливается на вытѣсненіи иностранцевъ съ прежнихъ мѣстъ жительства, но простирается почти на всѣ отрасли дѣловой жизни города, гдѣ неуклонно чувствуется растущее вліяніе китайскаго капитала и предпримчивости. Множество предпріятій

—торговыхъ и промышленныхъ, цѣлкомъ или частями перешло въ китайскія руки; китайцами же создаются здѣсь новыя предприятия, которыя приобрѣтаютъ рѣшающую роль въ мѣстной торговлѣ и промышленности; поэтому нигдѣ въ Китаѣ не имѣетъ такого успѣха проповѣдь идей поощренія отечественной промышленности, какъ въ Шанхаѣ. Улицы въ центральныхъ частяхъ международнаго селенія залиты китайскимъ людомъ, среди котораго совершенно исчезаютъ малочисленные иностранцы — прохожіе. Главная торговая артерія — Nanking road, на близкомъ разстояніи отъ набережной превращается въ типичную китайскую улицу, по обѣ стороны которой движется сплошная стѣна китайцевъ; то же наблюдается и на соседнихъ улицахъ, выходящихъ къ Нанкинской. Трудно найти лучший примѣръ экономической мощи китайскаго народа и его способности къ поглощенію чужихъ народностей, какъ именно въ Шанхаѣ. Нынѣ китайцы оказываются почти полными хозяевами европейскаго города Шанхая и здѣсь, слѣдовательно, повторяется то же явленіе, какъ и въ Гонконгѣ, гдѣ, по наблюденіямъ Веллера (Weulleurse) еще въ 1902 г., китайцы также держали себя, какъ дома и хозяевами, относясь къ европейцамъ не только безъ уваженія, но даже съ пренебреженіемъ.

Вмѣстѣ съ наплывомъ китайцевъ, европейскія поселенія въ Шанхаѣ, однако, утрачиваютъ постепенно прежнюю репутацію мирнаго и счастливаго убѣжища и, по заявленію Peking Gazette, превратились уже въ гнѣздо преступленій, разврата и подкуповъ. Конечно, столь рѣзкій отзывъ, внушенный германскимъ вліяніемъ, является преувеличеніемъ, но фактъ повышения преступности здѣсь не подлежитъ сомнѣнію, будучи удостовѣренъ полицейскими отчетами мѣстнаго муниципальнаго управленія, напримѣръ, за декабрь 1914 г. Въ послѣднемъ отчетѣ отмѣчена и одна изъ причинъ этого явленія: роспускъ 63-го пѣхотнаго полка, сформированнаго однимъ изъ главарей второй революціи Чэнь Ци-меемъ, при чемъ многіе солдаты остались безъ всякихъ занятій и, сохранивъ оружіе, обратились къ грабежу. Не слѣдуетъ забывать также, что, послѣ неудачи второй революціи, много офицеровъ,

замѣшанныхъ въ ней, укрылось въ Шанхаѣ, гдѣ очутилось въ бѣдственномъ положеніи и ради собственнаго пропитанія не останавливалось передъ преступленіемъ. Въ іюні 1914 г. китайскимъ правительствомъ была учреждена въ Шанхаѣ особая слѣдственная коммиссія, съ порученіемъ произвести отправку на родину тѣхъ изъ бывшихъ военнотружениковъ — революціонеровъ, которые раскаялись и ведутъ себя добропорядочно. 14 іюля была отправлена первая партія ихъ. Общее политическое броженіе въ странѣ также отражалось на усиленіи преступности въ Шанхаѣ, а большое число безработныхъ здѣсь — до 20,000 въ декабрѣ 1914 г., способствовало учащенію всякаго рода эксцессовъ¹. Съ этимъ тревожнымъ временемъ совпали и рабочіе беспорядки въ Шанхаѣ на почвѣ вздорожанія жизни; имъ предшествовали забастовки среди разныхъ категорій рабочихъ — маляровъ, строительныхъ рабочихъ, плотниковъ, пильщиковъ и т. д.; беспорядки происходили преимущественно въ китайскомъ городѣ, потребовавъ вмѣшательства полиціи, но отчасти коснулись и территоріи иностранныхъ поселеній. Болѣе серьезнымъ нарушеніемъ мирной жизни здѣсь являлась непрекращавшаяся дѣятельность революціонныхъ партій, которымъ Шанхай служилъ опорнымъ пунктомъ для перенесенія пропаганды внутрь страны. Насколько эта дѣятельность была чревата опасными осложненіями, доказываетъ покушеніе на убійство съ помощью бомбы начальника китайской тайной полиціи 22 сентября 1914 г. въ международномъ селеніи; это покушеніе ставили въ связь съ убійствомъ 20 сентября во французской концессіи бывшаго издателя газеты «Миньлибао», главара революціон-

¹) Появленіе безработныхъ было обусловлено упадкомъ торговли и судоходства въ договорныхъ портахъ южнаго Китая и долины Янцзы подъ вліяніемъ европейской войны, въ особенности въ первые мѣсяцы ея; приостановка многихъ фабричныхъ предприятий здѣсь (напр. въ Шанхаѣ) также способствовала усиленію кризиса, вызвавъ вмѣшательство правительства, которое предписало въ августѣ 1914 г. губернаторамъ Чжаоцзяна, Цзянъсу и другихъ провинцій изыскать способы примѣненія труда безработныхъ черезъ поощреніе существующихъ промышленныхъ предприятий и учрежденіе новыхъ (Peking Gazette, 11 авг. 1914).

наго «союза желѣза и крови», приписаннымъ агентамъ правительства.

При такихъ условіяхъ китайское нашествіе на иностранныя поселенія Шанхая могло являться дѣйствительной угрозою мирному развитію ихъ; но муниципальной полиціей были своевременно приняты мѣры къ скорѣйшему удаленію изъ черты поселеній преступныхъ элементовъ. Усилія ея въ этомъ направленіи, повидимому, увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ позднѣйшіе отчеты могли констатировать замѣтное успокоеніе революціонной дѣятельности и уменьшеніе преступности. Не малую помощь оказали въ этомъ случаѣ и осложненія съ Японіей, которыя вызвали въ китайскомъ населеніи значительный патріотическій подъемъ и направили по другому руслу народную энергію. Правда, агитація противъ Японіи, связанная съ бойкотомъ японскихъ товаровъ и сборами въ пользу патріотическаго фонда, приводила не разъ къ нарушенію общественнаго порядка въ томъ же Шанхаѣ; но эти инциденты носили совершенно отличный характеръ и не возмущали надолго мирной жизни города и порта.

Въ этихъ общихъ чертахъ могутъ быть обрисованы нѣкоторыя характерныя явленія «вторженія» китайцевъ въ иностранныя поселенія Шанхая и захватъ ими поземельной собственности и дѣловой и даже общественной жизни въ этомъ крупнѣйшемъ центрѣ европейской дѣятельности въ Китаѣ, захватъ, которой является наилучшимъ показателемъ быстро растущей экономической дѣятельности среди широкихъ круговъ китайскаго народа.

Проф. Н. Кюнерь.

* * *

*Живи живое
И наслаждайся!
Не озирайся
Вокругъ съ тоскою!
Когда землю
Меня зароятъ,
Пусть надо мною
Растутъ цвѣты!..
Цвѣти и ты...
Судьбы вельнѣемъ,
Въ души стремленья
Своей буди!
Люби миновенья,
Красоты жизни
Безъ упоенья
Не обойди.
Въ минуту горя
Съ тоской во взоръ
Не рви на тризнь
Души цвѣты...
Делъ мечты!
Что поглотила
У насъ могила,
То не придетъ!..
Пусть прочь уйдетъ
Унынье злое!
Всегда красиво,
Всегда счастливо
Пускай живетъ
Одно живое!*

Левъ Малокіенко.

ДУША НАРОДА.

(Опытъ изслѣдованія китайскаго національнаго характера).

I.

Всѣ мы създѣтства знаемъ, что разумъ, чувства и воля — это тѣ три кита, на которыхъ зиждется внутренняя духовная жизнь человѣка.

Къ сожалѣнію, наши знанія объ этихъ крайне важныхъ сторонахъ человѣческаго духа ограничиваются большею частью поверхностными свѣдѣніями, а сама наука о духовномъ мірѣ человѣка — психологія, является предметомъ кабинетныхъ изученій и далека отъ похвальной демократизаціи.

Въ частности отдѣлъ общей психологіи въ послѣднее время все болѣе и болѣе обогащается наблюденіями и изслѣдованіями налъ психической жизнью цѣлыхъ народовъ и расъ, — и не такъ далеко, быть можетъ, тотъ моментъ, когда каждый самостоятельный и цѣльный, какъ этнографическій типъ, народъ будетъ имѣть свою строго научную и непогрѣшимую національную характеристику.

Идейныя задачи ориенталистовъ въ широкомъ смыслѣ не исключаютъ и глубокаго тщательнаго изученія національной психологіи народовъ Востока.

Но эти задачи имѣютъ къ общей психологіи, какъ наукѣ, такое же отношеніе, какъ причина къ слѣдствію, или какъ эмпирической опытъ къ его научной формулировкѣ или закону.

Возьмемъ конкретный примѣръ: русская литература въ многочисленныхъ своихъ художественныхъ твореніяхъ обрисовала національную душу русскаго народа, талантливаго, богато одарен-

наго въ области духа, но слабого въ области психическаго почина, въ области воли.

Психологія, какъ точная наука, на основаніи мимическаго портрета преобладающаго русскаго типа и антропологическихъ измѣреній, а также специальныхъ открытій въ области френологіи пришла къ тому же самому выводу.

Отсюда легко намѣтить тотъ путь, по которому мы, ориенталисты, должны идти въ области изученія національнаго характера народовъ Востока.

Само собою разумѣется, что наша задача гораздо благодарнѣе, гораздо шире и интереснѣе задачи ученыхъ психологовъ.

Дальній Востокъ въ концѣ девятнадцатаго и въ началѣ двадцатаго столѣтія претерпѣлъ глубокую эволюцію.

Японія выросла въ великую конституціонную державу, а Китай изъ неограниченной монархіи превратился въ республику.

Но не всякому, вѣроятно, извѣстно, что японскій парламентаризмъ, благодаря специфическимъ національнымъ особенностямъ японскаго характера и въ настоящее время представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ патриархальнаго совѣта старѣйшинъ со своимъ генро и лидерами нижней палаты изъ потомковъ древнихъ феодаловъ, а китайская республика — чистѣйшую олигархію умныхъ чиновниковъ, даже не аристократовъ, которыхъ въ Китаѣ не существуетъ.

Экономическій, историческій и социаль-

ный характер, бесспорно, в жизни этих народов сыграли свою роль.

Но и психологический фактор, то, что мы называем духом нации, сыграл, может быть, еще большую роль.

Душа всякого народа—это та чувствительная, незримая пластинка, на которой отражается весь комплекс его исторического, экономического и социального быта от первых дней его существования до нашего времени.

В настоящее время торжества утилитарных идей в жизни народов и экономического принципа в области таких наук, как право, социология, история и т. п. такие важные понятия, как дух народа, черты его национального характера не привлекают особенного внимания со стороны серьезных исследователей.

Вся эта многосложная, крайне важная область изучения презрительно именуется „беллетристикой“ и обслуживается большей частью дилетантами, случайными туристами, людьми, мало подготовленными к пониманию окружающей жизни, не имеющими специальных очков научной критики, какими должен обладать всякий ученый ориенталист.

Изучение национальной психологии народов Д. В. особенно необходимо нам, так сказать, прикладным ориенталистам, в отличие от ориенталистов—академиков, лишенных живого непосредственного общения с представителями восточных народов.

Только небольшому знанию народной психологии автор этих строк был обязан счастливой возможностью за несколько месяцев до китайской революции буквально предсказать эту великую революцию на страницах местной и „росийской“ прессы и тем уродливыми формами, в которые выльются китайские республиканские идеи кучки европеизированных китайцев спустя несколько лет под эгидой Юаньшикая, этого типичного олицетворения китайского национального характера.

Пишущий эти строки не претендует на серьезность исследования или тем более на эрудицию, которая, как слово сказать, в большинстве случаев является отрицанием истинной науки. Предлагаемый очерк—только слабый

эскизный набросок того, что по праву должно считаться краеугольным камнем изучения Востока.

Это даже не исследование, а только слабая попытка популяризации необходимости специального изучения психики восточных народов на основах непосредственного наблюдения.

Для введения в этот предмет я приведу характерную часть русского ученого—психолога, проф. Сикорского.

Этот ученый говорит:

„Желтая раса, в особенности в ее типичных представителях—китайцах, носит на себе ясно выраженный отпечаток перевеса лобной мышцы над мышцей орбитальной; благодаря этому брови почти всегда стоят высоко и имеют дугообразный вид. Такая комбинация соответствует первой фазе состояния внимания,—неожиданности, удивления, но в то же время она показывает, что внимание в своей эволюции не идет дальше и не приводит окончательно к высокому напряжению мысли и оттого мышца мысли—*orbitalis superior*—всегда сокращена слабее лобной мышцы, и даже это положение стало привычным для расы.

На основании такого мимического портрета необходимо заключить, что, не смотря на развитое и дисциплинированное внешнее внимание, у желтой расы, тем не менее, не выработалась привычка к напряженному умственному труду и к мыслительной настойчивости. Но в то же время резкое сокращение нижней орбитальной мышцы, придающее нижнему веку примолпленность и высокое стояние, указывает на неутомимость желтых. Наконец, валовой перевес лобной мышцы над всей нижней мускулатурой лица указывает на преобладание чувства над умом, и, наоборот, самая степень или сила сокращения этой мышцы свидетельствует скорее о чувстве, чем об уме. Это не столько ум, сколько удивление и неожиданность. При такой комбинации основных душевных сил воля не становится обязательно на стороне умственных актов, но может одинаково стать на службу как страстям, так и элементарному вниманию.

Жизненная судьба желтой расы в

Азии и Америкѣ подтверждаетъ такую характеристику.

Желтые внимательны, настойчивы и неутомимы въ мирномъ трудѣ, земледѣліи, садоводствѣ и въ мелкой техникѣ, но они не создали ни наукъ, ни искусствъ.

Несмотря на ихъ десяти тысячелѣтнюю исторію, умъ у нихъ не достигъ той остроты и силы напряженія, которая переходитъ въ ненасытимую жажду знанія и въ глубокую потребность интеллектуальной жизни.

Среди войны желтые, по свойству своего духа, легко становятся фанатичными, отдаваясь чувству и страстямъ, а не уму и соображенію:

Не поражаетъ ли такое научно-теоретическое положеніе своей парадоксальной прямолинейностью, происходящей, повидимому, только оттого, что ученый былъ лишенъ возможности непосредственнаго наблюденія надъ жизнью націи; кабинетныя антропологическія наблюденія и теоретическая психологія, очевидно, расходятся съ дѣйствительностью, ибо та „жизненная судьба желтой расы“, о которой говоритъ профессоръ, въ настоящее время совершенно не соответствуетъ такимъ положеніямъ.

Далѣе проф. Сикорскій заключаетъ, что „повидимому, народныя черты стоятъ въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ антропологическаго состава націй, историческія же судьбы народовъ играютъ второстепенную роль“:

Здѣсь мы сталкиваемся съ первымъ крайне симптоматичнымъ противорѣчіемъ, а именно: настоящая и прошлая судьба желтой расы совершенно не оправдываютъ такого отрицательнаго духовнаго портрета китайскаго народа, который проф. Сикорскій нарисовалъ на основаніи своихъ научныхъ изысканій.

Очевидно, необходима нѣкоторая поправка.

Здѣсь начинается область ориентологіи.

Для всякаго ориенталиста истина о прошломъ культурномъ значеніи Китая является аксіомой.

Китай подарилъ міру массу изобрѣтеній, философовъ и ученыхъ, но этнографическій типъ китайца остался почти нетронутымъ.

Тогда является вопросъ: не мѣняется ли характеръ и душа народа во времени подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ историческихъ явленій?

Здѣсь ориентологія должна сказать свое вѣское слово, ибо наука проф. Сикорскаго оказалась несостоятельной.

Только въ сложной исторической жизни китайскаго народа произошла и многообразная метаморфоза китайской души.

Да позволено мнѣ будетъ привести маленькое тривиальное сравненіе.

Было время, когда традиціонная китайская коса была признакомъ рабства. Затѣмъ наступило время, когда эта же коса являлась уже предметомъ гордости китайца.

Всѣмъ извѣстна старая китайская поговорка: „съ косою—человѣкъ, безъ косы—не человѣкъ“. И наконецъ въ настоящее время китайская коса у китайцевъ является признакомъ умственной отсталости.

Не переживаетъ ли на нашихъ глазахъ подобную метаморфозу и китайскій національный духъ?

Только народъ съ широкими духовными задатками способенъ къ совершенному прогрессу.

Прогрессъ китайскаго народа идетъ быстрыми шагами.

И неужели онъ будетъ зависѣть отъ антропологическаго перерожденія китайской расы?

Такимъ образомъ мы подошли къ положенію о необходимости иныхъ методовъ къ изученію духовной жизни китайскаго народа, которая, какъ и психика другихъ народовъ, мѣняется подъ вліяніемъ времени и новыхъ идей.

Этотъ единственный методъ—кропотливое и непосредственное изученіе современной китайской культуры, его идей, его общественной и государственной жизни и всѣхъ представителей современнаго китайскаго народа, начиная съ скромнаго невѣжественнаго кули и кончая гордымъ мандариномъ.

Англичане въ значительной степени обязаны своему успѣху въ Китаѣ этому знанію китайскаго характера; знаніе же это поддерживается специальной и многочисленной прессой, издающейся въ Китаѣ на англійскія средства, до чего мы

русские, конечно, еще не додумались, если не считать слабых попытокъ въ Харбинѣ.

Духъ націи, ея идеи выражаются обыкновенно въ ея вѣрованіяхъ, преданіяхъ, національныхъ сагахъ, пѣсняхъ и т. п., но болѣе всего въ ея національной религіи.

Какой же моральной силой руководятся китайцы въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу?

Христианство наложило свою печать на весь міръ, даже отдѣльныя формы его перевернули мировоззрѣніе нѣкоторыхъ народовъ.

Иудаизмъ создалъ исключительный типъ „избраннаго“ народа.

Гдѣ же слѣдуетъ искать исходную точку зарожденія китайскаго національнаго духа?

Здѣсь-ли въ культивированной въ одномъ направленіи человѣческой душѣ, или по ту сторону добра и зла—въ ученіяхъ Конфуція, Будды, Лаоцзы и Мендзы и легендарныхъ императоровъ Яо и Шунь, т. е. ученіе-ли Конфуція (какъ ярко—выраженная философско-моральная система китайцевъ) воспитало китайскій народъ, или самъ Конфуцій воспитался въ правилахъ китайской этики, философіи и т. д., какъ результатовъ тысячелѣтней работы народнаго духа, ибо нельзя вѣрить въ силу, гениальность философіи Конфуція, способной будто-бы воспитать цѣлую націю въ извѣстной моральной идеѣ, или вѣрнѣе пересоздать сущность природы человѣческой души. Такое положеніе считается неоспоримымъ въ классической литературѣ по восточовѣдѣнію, поэтому приводимое нами мѣсто изъ исторіи религіи Мензиса, какъ подтверждающее наше положеніе, заслуживаетъ, безспорно, вниманія; онъ говоритъ: „въ виду того, что Конфуцій не измѣнилъ ничего въ религиозныхъ обрядахъ Китая и никогда не считалъ себя реформаторомъ въ этомъ отношеніи, то такая своеобразная религія не могла возникнуть и такъ безслѣдно заглушить болѣе древнія формы вѣры, если бы не выражала духа народа самымъ удовлетворительнымъ и безусловнымъ образомъ“.

Конфуціанство—дѣтище китайскаго народа, какъ самобытной національной

единицы,—свободное выраженіе его духа. Китайцы во время формированія религіознаго сознанія были лишены вліянія болѣе высокой религіи, но за то практика, фактическое примѣненіе нравственныхъ и религіозныхъ истинъ въ массѣ націи, въ народѣ стоитъ выше и тверже, чѣмъ у насъ.

Великая духовная нивелировка въ Китаѣ прошла равномѣрнѣе и правильнѣе, чѣмъ въ христіанской Европѣ.

Ни въ какой другой религіи міра мы не находимъ такого образцоваго порядка; эта религія освободилась отъ всѣхъ нераціональныхъ элементовъ. Съ другой стороны она не отличается высокимъ развитіемъ; вѣрованія ея чрезвычайно древни и представляютъ собою такую стадію мысли, на какой не оставалась ни одна національная религія; регулируется она не организованнымъ кодексомъ, а обычаями и преданіемъ;—и въ этихъ ея отрицательныхъ на первый взглядъ свойствахъ кроется причина высокаго состоянія въ средѣ китайскаго народа идеаломъ утилитарной нравственности, пропитавшей собою душу и мозгъ и гордаго ученаго, и простаго невѣжественнаго кули, и мандарина, и скромнаго поселяннина.

Такимъ образомъ даже историческій методъ не даетъ возможности ясно и точно опредѣлить тѣ идеи, благодаря которымъ формировался духъ китайскаго народа, ибо создатель государственной религіи Китая—Конфуцій является только систематизаторомъ древнихъ религіозныхъ и моральныхъ идей и понятій.

Значитъ, остается одна возможность для изученія сущности китайской души—непосредственное наблюденіе, ибо понять душу китайскаго народа путемъ изученія его исторіи и этаповъ его духовнаго развитія, какъ это мы, до извѣстной степени, дѣлаемъ по отношенію къ другимъ народамъ, въ настоящее время является почти невозможнымъ.

Спенсеръ сказалъ: „Первой зачаточной религіозной формой является умиловленіе предковъ“; основываясь на такомъ положеніи мы неминуемо должны притти къ убѣжденію, что настоящая государственная религія Китая представляетъ собою первобытную фор-

16774 (1152199)

му вѣрованія; такой выводъ будетъ, понятно, ошибоченъ и излишне-одностороненъ. Ошибка заключается въ томъ, что въ этомъ опредѣленіи ученаго допущено смѣшеніе обрядности и религіи. Считать эти двѣ стороны одного и того же предмета однимъ органически сросшимся цѣлымъ—громаднѣйшее заблужденіе.

Идеи конфуціанства опередили форму вѣрованій. Конфуцій, создавая свою религіозную систему, только старался возвысить идеи, которыми жилъ Китай его времени, и совершенно не желалъ заниматься сизифовой работой искорененія устарѣвшихъ религіозныхъ обычаевъ.

Данныя непосредственныхъ наблюденій показываютъ, что умиловленіе предковъ въ настоящее время въ Китаѣ является только извѣстной формой внѣшней обрядности, что буква традицій и пережитокъ стараго слишкомъ живучи въ человѣческомъ сознаниіи.

Освобожденіе отъ этого пережитка старины являлось невозможнымъ; онъ сталъ естественной потребностью, которая особенно усиливается, когда падаютъ моральные и духовные идеалы религіи.

Конфуціанство, не представлявшее само по себѣ какой-нибудь одной великой моральной истины, а бывшее только сводомъ правилъ практической философіи, утрачиваетъ и фактически утратило уже живую непосредственную связь съ народнымъ духомъ и можно положительно сказать, что въ настоящее время Китай не имѣетъ религіи, той религіи, которую мы привыкли считать великой двигающей нравственной силой.

Непосредственныя наблюденія надъ китайской жизнью покажутъ это всякому, кто пожелалъ бы ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Духовные идеалы китайскаго народа повисли въ воздухѣ, и это случилось не теперь, а очень давно; теперь только яснѣе обрисовывается это характерное положеніе. Если классъ китайскихъ ученыхъ и чиновниковъ, составляющихъ единственную аристократію въ странѣ, получая все свое образованіе изъ книгъ, приписы-

ваемыхъ Конфуцію, поддерживалъ еще его преданія и идеи, то въ настоящее время, съ упраздненіемъ экзаменовъ по классическимъ книгамъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ Китаѣ не будетъ даже намека на какія бы то ни было руководяція религіозныя идеи. Нація будетъ переживать переходной моментъ; духовное сознание народа будетъ метаться отъ одной религіозной системы къ другой.

До настоящаго момента классическая литература и творенія Конфуція освящались не *божественнымъ авторитетомъ*, а только преданіемъ; въ будущемъ мы будемъ свидѣтелями постепеннаго умиранія этого преданія и увидимъ только одинъ его голый скелетъ изъ обрядностей, обычаевъ и условностей.

Мы положительно не можемъ сказать, какимъ образомъ выльется религіозное сознание китайскаго народа, но мы положительно утверждаемъ, что ему останется только послѣдовать или по пути полнѣйшаго фетишизма, который, какъ извѣстно, представляетъ собою упадокъ первоначальной болѣе высшей религіи, или по пути атеизма, который въ Китаѣ можетъ имѣть подъ ногами очень твердую почву.

Какъ извѣстно, даосизмъ, представлявшій сначала философію, быстро выродился въ колдовство.

Конфуціанство, лишенное области сверхчувственнаго и метафизическаго, не дастъ матеріала для такого печальнаго регресса народнаго духа и будетъ постепенно умирать.

Давно уже въ Китаѣ пустили свои ростки три религіозныхъ системы, съ идеями и догматами которыхъ придется считаться будущему Китаю, это—буддизмъ, христіанство и магометанство.

Китайцы весь міръ населили духами, которыхъ безчисленное множество; въ этомъ отношеніи они перещеголяли даже древнихъ грековъ; при совершенномъ отсутствіи фантазіи у китайцевъ, эти духи не окружены ореоломъ особенной поэзіи, но, все-таки, разсказовъ, сказокъ, мифовъ, относительно міра духовъ, у китайцевъ,—хоть отбавляй!

Надъ всѣмъ-же міромъ царитъ Шанди, верховный владыка, или небо. „Небо

разсматриваетъ меня“ трогательно, навивно какъ ребенокъ, говоритъ китаецъ, желая показать свою нравственную отвѣтственность передъ силой, стоящей по могуществу и мудрости выше человѣка.

Очень замѣчательнъ фактъ полнѣйшаго отдѣленія культа неба отъ культа духовъ, которые у китайцевъ почти всѣ являются носителями свѣтлыхъ началъ.

Мензисъ говоритъ: „У китайцевъ культъ неба и культъ духовъ совершенно отдѣленъ“. Не встрѣчаемся ли мы здѣсь съ яркой идеей о единобожии? И не заблуждаемся ли мы, считая китайцевъ по идеѣ грубыми фетишистами? Не наблюдаемъ ли мы и теперь въ организованныхъ и болѣе высшихъ религіяхъ перенесеніе поклоненія съ божества на внѣшніе предметы, его олицетворяющіе, что является слѣдствіемъ упадка основныхъ религіозныхъ истинъ?

Китайскіе духи—существа добрыя и неопредѣленные, о нихъ говорятъ во множественномъ числѣ. Каждая часть природы имѣетъ своего духа. Это дѣлая корпорація со своей іерархіей.

Японская религія синто, представляющая собою спокойное поклоненіе безчисленнымъ духамъ, безъ жертвоприношеній и безъ всякаго нравственнаго ученія, связана съ этой стороной религіи Китая; это обстоятельство хорошо учили предприимчивые японцы и захотѣли прибавить къ тысячамъ своихъ поддѣлокъ еще одну новую... въ Японіи явился проектъ подать міру новую религію—суррогатъ синтоизма съ христіанствомъ—для насажденія ея въ Китаѣ и Японіи. Во всякомъ случаѣ, будущимъ религіознымъ реформаторамъ Китая придется серьезно считаться съ китайской миѳологіей, которая сжилась съ духомъ народа самымъ тѣснымъ образомъ. Китайцы создали цивилизацію, во многихъ отношеніяхъ могущую быть поставленной наряду съ цивилизаціей Индіи и Запада, и эта цивилизація насчитываетъ за собой тысячелѣтія. Какими смѣшными кажутся эти японскіе quasi-реформаторы!

«По натурѣ флегматики и люди положительные, точные и осторожные въ дѣлахъ практическихъ, народъ раздражительный и промышленный, китайцы

удивительно лишены воображенія и не расположены къ философіи.

Вся ихъ натура выразилась въ ихъ односложномъ языкѣ, лишенномъ флексій, принадлежащемъ къ древнѣйшимъ формамъ человѣческой рѣчи и плохо приспособленномъ для выраженія отвлеченныхъ или поэтическихъ идей“, говоритъ тотъ же Мензисъ.

Само собою разумѣется, что христіанство съ его отвлеченностью туго прививается въ Китаѣ, магометанство же вербуетъ своихъ прозелитовъ тысячами, такъ какъ удовлетворяетъ практичныхъ китайцевъ, суля имъ въ загробной жизни рай съ его вкусными яствами, вѣчное блаженство и гурій... Японскіе религіозные изобрѣтатели немного ошиблись, связавъ синтоизмъ съ христіанствомъ; полезнѣе было бы составить „смѣсь“ изъ магометанства и синтоизма и преподнести ее китайцамъ, тогда, конечно, весь Китай, по крайней мѣрѣ, югъ Китая былъ бы у ногъ предприимчивыхъ реформаторовъ.

Мы упоминали раньше, что китайскій культъ духовъ, добрыхъ по существу, иногда хитрыхъ и плутоватыхъ, совершенно не знаетъ мрачныхъ духовъ зла, если не считать черта (по кит. гуйцза), этого всемірнаго гражданина—космополита.

Кромѣ духовъ китайцы обоготворяютъ душу умершихъ людей, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ исторіи Китая своими хорошими дѣяніями. Древніе цари, люди благочестивые, какъ императоры Яо и Шунь, изобрѣтатели искусствъ и составители основныхъ правилъ политики почитаются и обоготворяются китайцами, которые по складу своего ума и характера, консервативнаго и дисциплинированнаго, удивительно лояльно относятся къ правителямъ. Отъ этого культа почитанія и обоготворенія великихъ людей, героевъ нужно отдѣлать, по моему мнѣнію, культъ почитанія предковъ вообще, какъ выраженіе одного „родового начала“, подчинившаго себѣ всѣ стороны китайской жизни, бытъ и міровоззрѣніе. При оцѣнкѣ современной китайской жизни мы слишкомъ мало удѣляемъ вниманія на ту ея сторону, которая кореннымъ образомъ мѣняетъ отношенія между нами и ки-

тайцами, создавая между Западомъ и Востокомъ ничѣмъ незаполнимую пропасть. Если вся наша современная жизнь построена на принципахъ широкой индивидуализации, то въ Китаѣ, наоборотъ, она совершенно не признается, растворившись вся безъ остатка въ родовомъ началѣ.

Въ Китаѣ все исходитъ изъ рода и все къ нему возвращается. Личность— рабъ рода. Въ Китаѣ жизнь относится къ личностямъ съ большимъ пренебреженіемъ, а къ роду съ большой заботливостью. Принципъ родового начала наложилъ свою тяжелую руку и на китайскую юриспруденцію.

По китайскимъ законамъ, смерть не приноситъ за собою освобожденія отъ долговъ, съ нею не прекращаются права на „повышенія и награды“. Возьмите въ руки пекинскую официальную газету „Бей-цзинь-жи-бао“, отдѣлъ о повышеніи и разжалованіи умершихъ мандариновъ, безспорно, поразитъ вниманіе каждаго европейца своей необычностью и странностью.

Забота о непресѣкаемости рода—самая насущная у китайца; онъ создаетъ себѣ основанія для собственного безсмертія. Въ жизни китайца господствуетъ принципъ солидарности и нравственной незапятнанности поколѣній. Нѣтъ болѣе тяжелаго оскорбленія для китайца, какъ оскорбленіе его предковъ.

Китайская семья ведетъ генеалогическую запись своихъ предковъ и два раза въ мѣсяцъ устраиваетъ родовыя собранія, которыя обыкновенно происходятъ 10 и 26 числа каждой луны.

Китаецъ пріѣзжаетъ въ Китай изъ-за три-девяти земель, чтобы умереть поближе къ своимъ предкамъ, гдѣ онъ будетъ увѣренъ, что его родъ не оставитъ томиться его духъ безъ жертвоприношенія.

Вся жизнь китайскаго народа построена на основаніи родового начала. И если въ настоящее время Западъ остро переживаетъ и всячески восхваляетъ культъ личности, то въ Китаѣ культъ рода царитъ во всей его неприкосновенности. Единственно черезъ призму родового начала, поработившаго всѣ стороны китайской жизни, можемъ мы, европейцы, объективно и непосредствен-

но наблюдать китайскую жизнь, представляющую для непосвященныхъ такую уйму загадокъ и неожиданностей. Какой переворотъ долженъ произойти въ мировоззрѣніи китайца, когда онъ усвоитъ и введетъ у себя всѣ индивидуалистическія идеи Запада и вытекающія изъ нихъ политическія, экономическія и общественныя порядки и установленія!

Подобное несоотвѣтствіе между духомъ народа и новыми реформаторскими вѣяніями должно, безспорно, привести къ внутреннимъ потрясеніямъ китайской жизни, что мы и наблюдаемъ въ настоящее время; есть много причинъ заключить, что настоящее движеніе въ Китаѣ получаетъ свое основаніе изъ источниковъ болѣе глубокихъ и важныхъ, чѣмъ виѣшнее его выраженіе.

Нѣкоторые авторы даже не предполагаютъ возможности, что Китай можетъ усвоить новыя идеи и принципы Запада и построить заново свою жизнь на ихъ основаніяхъ. Они говорятъ: „если гдѣ не считающаяся съ прошедшимъ „индивидуалистическая“ теорія и игнорирующая биологическія основы „экономическая“ и историческая теорія не найдутъ себѣ почвы, то это именно въ средѣ народовъ съ тысячелѣтнымъ культомъ предковъ (какъ китайцы), гдѣ „родовое начало“ проникаетъ всѣ стороны жизни, а личности отводится чисто служебное положеніе“.

Однако, это не мѣшаетъ китайцамъ вводить у себя учрежденія Запада, возникновеніе которыхъ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ торжества новыхъ индивидуалистическихъ идей, давшихъ людямъ личную свободу и способность къ самоопредѣленію. Въ настоящее время въ Китаѣ происходитъ „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“ и коренная ломка стараго режима.

Почему мы не можемъ предположить, что онъ не посягнетъ на свой тысячелѣтній принципъ родового начала и не провозгласитъ торжество свободной личности? Идеи Запада имѣютъ свойство воочію доказывать свое превосходство (примѣръ— Японія).

II.

«Каждый, отъ императора до простолюдина, долженъ заботиться о нравственномъ самоусовершенствованіи, ибо это есть источникъ всеобщаго блага. Если начало не совершенно, то какъ-же можетъ быть совершененъ конецъ?».

Конфуцій.

Мы уже имѣли возможность высказаться по вопросу о томъ, чѣмъ живетъ въ духовномъ смыслѣ современный Китай. Мы указали на три стороны государственной религіи Китая, на три главныхъ фактора вѣрованій китайцевъ. Во первыхъ, — на вѣрованія въ духовъ, какъ наслѣдство пантеистическаго періода, остатокъ первобытнаго міровоззрѣнія, во 2-хъ, вѣра въ универсальный принципъ Шанци, отвлеченное божество безъ лица и какаго либо реального олицетворенія, извѣчная безначальность, причина и цѣль всего сущаго и, наконецъ, указали, какое значеніе имѣетъ для китайцевъ культъ предковъ, какъ слѣдствіе родового начало; при выясненіи духовныхъ идеаловъ китайскаго народа, мы, конечно, все время будемъ имѣть въ виду государственную религію Китая — конфуціанство, покамѣстъ совершенно не касаясь буддизма и ламаизма. Мы замѣтили, что Конфуцій, родившійся въ 551 году до Р. Х., не внесъ ничего своего въ религіозныя идеи китайскаго народа; онъ только систематизировалъ ученіе древнихъ, придавъ ему законченность и порядокъ; это былъ добросовѣстный компиляторъ и ревностный пропагаторъ древнихъ идей.

Его ученіе — ученіе древнихъ императоровъ Яо и Шунь, жившихъ за 22 столѣтія до Р. Х. По ученію Конфуція единого Бога нѣтъ, есть только двѣ великихъ силы Инъ и Янъ; это ученіе было построено какъ и ученіе ассирійцевъ, вавилонянъ и древнихъ индусовъ, на дуалистическихъ основаніяхъ.

Инъ и Янъ олицетворяли собою добро и зло, покой и движеніе, женское и мужское начала. Въ свою очередь они рождаютъ пять стихій: воду, дерево, металлъ, огонь и землю. Янъ рождаетъ мужчинъ; Инъ — женщинъ.

Человѣкъ — результатъ взаимодействія этихъ пяти силъ, или стихій.

Изъ божествъ особеннымъ почитаніемъ пользуются: богъ, покровительствующій наукѣ, ученымъ и вообще образованію, поимени Венъ-чанъ-ди. Богъ войны — Гуанъ-ди, или Лао-е, его изображеніе древняго воина съ мечемъ въ рукѣ, воплощающее весь ужасъ войны, ставится обыкновенно въ кумирняхъ рядомъ съ изображеніемъ Гуй-цзы (дьявола). Оба эти изображенія, представляемые обыкновенно внушительными раскрашенными фигурами, вырѣзанными, большею частью, изъ дерева, импонируютъ своимъ видомъ; искаженное злобной гримасой лицо бога войны, какъ-будто готоваго предать мечу и смерти всякое живое существо, воспроизведено очень удачно. Тянь-хоу — царица неба, покровительница моряковъ и рыбаковъ.

Гуанъ-инъ — богиня милосердія и челоуѣколюбія.

Цзинъ-хуа-нанъ — покровительница рожденія и воспитанія дѣтей. Драконъ Лунъ-Ванъ — повелитель водъ, добрый геній земледѣльца, предупреждаетъ засухи и наводненія. Драконъ Шень-лунъ повелѣваетъ вѣтрами.

Духъ „Ея Превосходительства“ лисицы; она завѣдываетъ эротическою и сексуальною стороною жизни челоуѣка, вмѣшивается въ любовныя отношенія брачующихся.

Добрый духъ, — старецъ луны, предоуѣдляетъ счастье.

Вообще китайскіе добрые духи воплощаются въ старикахъ. Кромѣ покровительства воспитанію дѣтей богиня Цзинъ-хуа-нанъ и ея 36 помощницъ покровительствуютъ беременнымъ.

Среди наиболѣе почитаемыхъ боговъ особеннымъ семейнымъ почитаніемъ пользуются добрый духъ, завѣдывающій домашнимъ очагомъ, по имени Сы-мян-тоу и его 6 дочерей. Китайскіе боги выражаютъ полностью всѣ стороны жизни народа-земледѣльца, съ патриархальнымъ бытомъ, миролюбиваго, ограниченнаго въ рамкахъ будничнаго труда и спокойнаго существованія.

Вѣра въ фатумъ, предопредѣленіе и судьбу, само собою разумѣется, не миновала Китай; по нашему мнѣнію, она развита въ Китаѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ среди другихъ народовъ ближняго и дальняго Востока.

„Минь“—понятіе, выражающее жизнь и судьбу и передаваемое однимъ и тѣмъ же начертаніемъ іероглифа, по китайскимъ воззрѣніямъ, является громадѣйшимъ факторомъ китайской жизни. „Минь“—судьба управляетъ жизнью людей отъ самаго ихъ рожденія и до смерти; противъ нея безсильны всѣ человѣческія старанія. Можно съ увѣренностью утверждать, что, чѣмъ старѣе народъ, чѣмъ древнѣе его цивилизація, тѣмъ его вѣра въ судьбу болѣе сильна и постоянна. Вѣра въ фатумъ дала возможность китайцамъ на протяжении сотенъ лѣтъ терпѣть манджурское иго и безропотно покоряться обиранию и обворовыванію со стороны шайки преступныхъ мандариновъ.

Колдуны, шарлатаны-предсказатели, гадатели широко пользуются для собственныхъ цѣлей этой вѣрой китайскаго народа въ судьбу, въ чудесный міръ тайныхъ силъ. Оккультизмъ, находящій себѣ приверженцевъ даже въ Европѣ, въ Китаѣ является чуть ли не народнымъ бѣдствіемъ.

Ни одинъ китаецъ не возьмется за какое либо серьезное дѣло, не посоветовавшись раньше съ присяжными гадателями, которые гадаютъ такъ же, какъ и наши предсказатели, на бобахъ, по полету птицъ, по звѣздамъ, по формѣ облаковъ, по рукѣ и т. д.

Китаецъ вѣрнѣе въ тѣсную зависимость человѣка отъ „фынь-шуй“, нѣчто въ родѣ специальной оккультной науки, выработанной китайскими астрологами и положенной въ основу для гаданій по расположенію предметовъ. Это ученіе о вліяніи мѣста, имѣющее отдаленное отношеніе къ точнымъ наукамъ, какъ топографія и геодезія, для китайцевъ является неоспоримой, вѣками установленной истиной.

Китаецъ считаетъ, что внѣшняя конфигурація предметовъ есть достаточное основаніе для благополучія или несчастія людей.

Начнетъ-ли китаецъ строить новый домъ, искать мѣсто для могилы, копать колодець или канаву для орошенія полей, онъ непременно пригласитъ ученаго гадальщика, посоветуется съ нимъ, и тотъ, послѣ долгихъ изысканій, и гаданій и т. д., выберетъ соответствующее

мѣсто, которое иногда мѣняется нѣсколько разъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій. Ни одного путешествія китаецъ не предприметъ, не узнавъ заранѣе самый благоприятный день и часъ для отправленія въ путь. Какъ всѣ народы, считающіе внѣшнія силы природы стоящими выше человѣка, китайцы склонны умиловлять боговъ другихъ религій. Китаецъ-конфуціанецъ можетъ прибѣгнуть къ помощи Будды въ затруднительныхъ случаяхъ. Большой буддійскій монастырь въ Пекинѣ Юн-хо-гунъ часто видитъ у себя конфуціанцевъ, возжигающихъ передъ изображеніемъ Будды благовонныя палочки.

Главной отличительной чертой конфуціанства является его эклектизмъ. Религіозное сознаніе китайцевъ расплылось, разложилось на мелкія вѣрованія въ низшихъ боговъ. Конфуціанство не признаетъ точныхъ непреложныхъ догматовъ. Китайцы не имѣютъ Библии, не имѣютъ книги, сохраняемой представителями религій, какъ основаніе, на которомъ покоится религія.

Классъ ученыхъ, представляющій и понынѣ единственную аристократію въ Китаѣ, получаетъ все свое образованіе изъ книгъ, приписываемыхъ Конфуцію, но эта литература не носитъ на себѣ слѣдовъ божественнаго происхожденія и черпаетъ все свое основаніе изъ преданій, которыя претерпѣвали различныя измѣненія, въ зависимости отъ историческихъ условій. Современный культъ духовъ въ Китаѣ носитъ на себѣ печать самаго первобытнаго происхожденія и относится къ той эпохѣ религіознаго сознанія людей, которая, по нашему мнѣнію, можетъ быть характеризована эпохой духовнаго унодобенія отвлеченныхъ идей внѣшнему матеріальному міру. Какъ человѣческое тѣло считалось живымъ и дѣйствующимъ, благодаря обитающему въ немъ духу, или душѣ, такъ и всѣ явленія природы казались производимыми другими духами, которые, получивъ у народа извѣстное отвлеченное выраженіе, полностью были включены Конфуціемъ въ свои религіозные трактаты; а такъ какъ со времени императора У-ди (140—86 г. до Р. Х.) на государственныя должности на-

чали назначаться, по преимуществу, конфуцианцы, то это учение древних въ связи съ конфуцианскими идеями стало государственнымъ учениемъ, и государство горячо принялось за дѣло его распространения.

Приведенный краткій очеркъ основъ конфуцианства долженъ убѣдить насъ въ томъ, что духовное и моральное самознание китайскаго народа формировалось подъ вліяніемъ безпримѣрнаго въ исторіи другихъ народовъ религіознаго и духовнаго эклектизма.

Древнія формы религіи на основахъ пантеистическаго міросозерцанія въ позднѣйшее время переплелись съ болѣе усовершенствованными, и вся эта масса духовнаго балласта, какъ груда тяжелыхъ кирпичей, похоронила подъ собою сознание китайца.

Но все-таки руководящей красной нитью во всей этой сложной, если такъ можно выразиться, бессистемной системѣ проходитъ доведенный до послѣдней степени логическаго мышленія философскій и жизненный утилитаризмъ.

Для китайскаго ума голый фактъ выше его моральнаго и идейнаго обоснованія.

Сила выше права; сѣрая дѣйствительность дороже будущихъ прозрачныхъ благъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что идейный эклектизмъ въ области міровоззрѣнія, утилитаризмъ въ практической повседневной жизни и въ области религіознаго и моральнаго сознанія, принципъ родового начала, о которомъ мы уже имѣли случай сказать, въ области соціальнаго быта, и общественный катаболизмъ въ области жизни государственной, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже, наложили свою тяжелую руку на все міровоззрѣніе китайца, подчинили себѣ его душу и волю.

Само собою разумѣется, что для насъ, европейцевъ, многія проявленія китайской національной души являются совершенно непонятными, если мы не примемъ во вниманіе всѣ вышеуказанныя самобытныя стороны китайской жизни.

Къ сожалѣнію, размѣры настоящей газетной статьи не даютъ мнѣ возможности затронуть интересный вопросъ о

національномъ самосознаніи китайца и поставить на очередь вопросъ и китайскомъ патриотизмѣ.

Само собою разумѣется, что та форма патриотизма, которая въ Европѣ является преобладающей, въ Китаѣ неизвѣстна и носитъ совершенно другой характеръ.

Но объ этомъ въ другой разъ.

Много факторовъ являются двигателями китайскаго духовнаго сознанія. Изъ нихъ напряженная, исключительная по трудностямъ борьба за существованіе китайскаго населенія является первостепенной по значенію.

Борьба эта наложила исключительную печать на духъ народа и до извѣстной степени опредѣляетъ политическую, общественную и моральную физиономію современнаго китайца.

Самая древняя цивилизація Китая выдѣлила въ продолженіе тысячъ лѣтъ густую накипь различныхъ идей, вѣрованій, принциповъ и понятій, что послужило къ образованію невѣроятнаго катаболизма, силу котораго мы, европейцы, даже не можемъ себѣ представить. Эта разъединяющая сила, построенная на чисто рационалистическихъ основахъ, выдвигаетъ на первый планъ интересы личности и мелкихъ группъ, представляя для современнаго правительства громаднѣйшее затрудненіе для успѣшнаго проведенія намѣченныхъ реформъ. Каждая провинція, округъ, городъ и даже небольшая деревушка живутъ своими собственными интересами, которые могутъ быть спаяны только какими нибудь общими бѣдствіями.

Странное обособленіе „клановъ“ является слѣдствіемъ безпримѣрнаго разобщенія народа съ центральнымъ пекинскимъ правительствомъ; это разобщеніе имѣетъ своей первопричиной территоріальную обширность государства, лишеннаго культурныхъ средствъ передвиженія и сообщенія. При такихъ обстоятельствахъ нѣкоторые единичныя личности являются фанатичными народными вожаками, способными 2—3 словами наэлектризовать толпу и противопоставить ее плохо организованному правительству. Эта выстрадавшая и продуманная способность вліять на массы даетъ вожакамъ громаднѣйшее оружіе

нѣмого вліянія, на сторону котораго почти всегда становятся и китайскіе философы—классики. Еще философъ Мэнцзы, ученикъ и комментаторъ Конфуція, ясно и опредѣленно выяснилъ взаимоотношеніе между народными волненіями и правительствомъ. Онъ сказалъ: „терпѣть недостатокъ въ самомъ необходимомъ и въ то же время сохранять душевное спокойствіе—возможно только для людей мудрыхъ; простой же народъ, когда не имѣетъ необходимаго, теряетъ душевное спокойствіе, нарушаетъ справедливость, дѣлается необузданнымъ, впадаетъ въ развратъ и пороки. Если народъ вслѣдствіе этого нарушаетъ законъ, то подвергать его наказанію все равно, что разставлять сѣти своему народу, а развѣ можетъ человѣколюбивый государь это совершить?“

Приходится удивляться той сизифовой работѣ, которую предстоитъ совершить китайскому правительству.

А вѣдь принципы конституціонализма, европеизма и капиталистическаго строя діаметрально противоположны духу китайской націи. Хотя проф. Васильевъ въ своихъ классическихъ статьяхъ неоднократно указывалъ, что „можно положительно утверждать, что Китай имѣетъ всѣ данія, чтобы достигнуть самой высшей точки умственнаго, промышленнаго и вмѣстѣ политическаго прогресса“, но онъ не указалъ, какой ужасной цѣной крови и потрясеній купить Китай свой прогрессъ.

Въ ужасной борьбѣ внутреннихъ противоположныхъ силъ, въ агоніи современнаго духовнаго и матеріальнаго катаболизма бьется народъ въ надеждѣ отыскать выходъ изъ туника, въ которомъ совершенно неожиданно очутился онъ въ двадцатомъ вѣкѣ со своимъ средневѣковымъ экономическимъ и хозяйственнымъ строемъ и государственнымъ порядкомъ передъ лицомъ капиталистической Европы, Америки и воинственной Японіи.

Одинокій, бессильный и безпомощный стоитъ Китай передъ лицомъ Запада, вооруженнаго на борьбу по послѣднему слову военной техники и имѣющаго въ избыткѣ силы и средства, чтобы 2—3 ударами уничтожить самостоятельное существованіе народа, насчитываю-

щаго за собою десять тысячъ лѣтъ культурной работы.

Народъ, испытавшій потрясенія ужасныхъ войнъ и неслыханныхъ революцій, далъ блестящій рядъ выдающихся мыслителей, философовъ и проповѣдниковъ мира еще въ то время, когда старой Европѣ даже и не снилась наша эпоха всеобщей агоніи милитаризма и макиавеллистическихъ идей о вооруженномъ мирѣ.

Еще философъ Мэнцзы сказалъ: „Любящіе войну заслуживаютъ величайшаго наказанія; человекъ, утверждающій, что онъ можетъ собрать войско и что онъ искусенъ въ сраженіи,—величайшій преступникъ“.

Духовный геній и самосознаніе народа, поднявшіеся до такой моральной высоты, сулили ему прекрасное будущее въ области міровой жизни и прогресса, но внезапное нашествіе нестройныхъ ордъ манджурскихъ варваровъ смело, уничтожило всѣ плоды китайской цивилизаціи и завоеванія народнаго духа, и Китай, слишкомъ старый для того, чтобы начинать духовную эволюцію сначала, печально остановился на пути своего развитія; народъ принялся искать утѣшенія въ памятникахъ своей сѣдой старины, сознательно остановилъ свою мысль и заморозилъ свое міровоззрѣніе на холодныхъ вершинахъ китайскаго классицизма.

Остается еще указать на кипучую дѣятельность тайныхъ обществъ въ Китаѣ и на значеніе въ его жизни всякихъ бонспирацій, сектъ, обществъ и почти непрерывнаго появленія то тамъ, то здѣсь различныхъ народныхъ героев и иллюминатовъ, что также указываетъ на извѣстный социальный и духовный катаболизмъ китайцевъ. Появленіе такихъ пророковъ, иллюминатовъ и вожаковъ всегда сопровождалось въ Китаѣ губительными инсурекціями.

Единичныя возстанія никогда не прекращались въ Китаѣ, но массовыя, какъ тайнинское возстаніе или боксерское—обыкновенно ознаменовывались грозой ужасной бойни и самоистребленія.

Достаточно напомнить, что въ тайнинскомъ возстаніи, которое длилось

около 15 лѣтъ (отъ 1850—64 г.), было уничтожено въ междоусобной войнѣ около четверти жителей 8 провинцій южнаго и средняго Китая. Къ тому же политическіе и религіозные импульсы революціонныхъ выступленій китайскаго народа никогда не умираютъ; нѣкоторые изъ этихъ импульсовъ являются для насъ зломъ китайской жизни. Мы совершенно забыли о боксерскомъ возстаніи 1900 года, а оно намъ напомнило о себѣ въ 1907 году, когда пропаганда ксенофобіи кончилась погромомъ и убійствомъ миссіонера Р. Sanduglia 6 сентября того-же года поднявшейся чернью провинціи Цзянь-си. Въ настоящее время тайное развитіе боксеризма установленный фактъ; секретныя собранія, связанныя съ различными волхваніями, физическими упражненіями и, что важнѣе, съ изученіемъ искусства владѣть огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, которое, кстати напомнить, услужливо подвозится европейцами и контрабанднымъ способомъ продается китайскимъ разбойникамъ, происходятъ почти въ каждой деревушкѣ. Повторяемость историческихъ явленій въ жизни народовъ—извѣстный законъ позитивной исторіи; это положеніе особенно примѣнимо къ жизни азіатскихъ народовъ, особенно китайцевъ. Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ такой знатокъ Китая, какъ проф. Васильевъ, установилъ, что частыя и губительныя инсurreкціи надолго затормозятъ прогрессъ китайцевъ.

Т. н. тайное могущественное общество Триадъ (Сань-хэ-ху), сыгравшее нѣкоторую роль въ тайпинскомъ возстаніи, всегда настойчиво заявляетъ о своемъ существованіи, усиленно разворачивая по всѣмъ фронтамъ свою дѣятельность. Избравъ главной своей квартирой городъ Кантонъ, члены общества Триадъ дѣятельно вербуютъ кадры своей арміи, прибѣгая къ оригинальному способу, а именно, въ каждой деревушкѣ обыкновенно помѣщается полъ священнымъ банановымъ деревомъ чистая книга, куда населеніе деревни приглашается особымъ воззваніемъ записывать свои имена, послѣ чего записавшіеся вносятъ вступительный взносъ обыкновенно въ суммѣ трехъ долларовъ. Книга

лежитъ обыкновенно до тѣхъ поръ, покамѣстъ половина населенія не запишется членами общества. Послѣ этого она внезапно исчезаетъ, появляются прокламаціи общества, въ которыхъ оно предлагаетъ жителямъ деревни, не записавшимся въ члены общества, немедленно это исполнить, въ противномъ случаѣ грозить репрессіями. Конечно, всѣ жители поголовно входятъ въ члены тайнаго общества; если же въ единичныхъ случаяхъ нѣсколько упрямцевъ вздумаютъ обратиться къ властямъ за помощью, то положеніе ихъ послѣ этого становится ужаснымъ; власти не могутъ оказать никакой поддержки, такъ какъ сами всецѣло зависятъ отъ революціонеровъ, и несчастные протестанты считаются обреченными на смерть. Такого рода терроръ является безиримѣрнымъ въ исторіи всѣхъ народовъ.

Китайскіе чиновники издавна славятся трусостью передъ народными волненіями; по свѣдѣніямъ иностранной прессы въ Китаѣ поведеніе ихъ въ этомъ отношеніи совершенно не измѣнилось.

Здѣсь кстати можно указать, что большое религіозное тайное „общество Бѣлой лиліи“ распространило свое ученіе даже и въ Маньчуріи, дѣятельно вербуя себѣ агентовъ среди туземнаго населенія. Оно въ свое время тоже играло немаловажную роль въ инсurreкціонномъ движеніи въ Китаѣ. Какъ слѣдствіе широкой колонизаторской дѣятельности правительства, которое направило волну переселенцевъ изъ средняго Китая въ Маньчурію, вѣроятно, въ числѣ переселенцевъ очутились и члены общества „Бѣлой лиліи“. Не такъ давно появился манджурскій реформаторъно имени Ли-мао-мао, именующій себя „небеснымъ учителемъ“, приписывая себѣ чудесную силу изгнанія дьявола. Секта проповѣдуетъ безбрачіе. Другая секта подъ названіемъ „Желтое небо“ преслѣдуетъ почти тѣ же религіозныя цѣли. Если принять во вниманіе невѣжество китайской черни, легковѣрной и фанатичной en masse, то понятно то положеніе, которое занимаютъ эти секты въ народномъ сознаніи тѣмъ болѣе, что секта „Бѣлой лиліи“, подъ именемъ Бей-лан-цзао, сыграла очень важную роль въ послѣд-

нихъ инсurreкціяхъ Китая. Послѣдователи такихъ сектъ вербуются тысячами.

Вкратцѣ мы постарались обрисовать дѣятельность китайскихъ иллюминатовъ, пророковъ новыхъ религіозныхъ путей, но совершенно не указали, что въ смыслѣ извѣстной національной единицы Китай представляетъ собою въ настоящее время центробѣжную силу, составленную изъ самыхъ разнообразныхъ національныхъ идеаловъ. Такъ, напримеръ, населеніе южныхъ провинцій, по имени „Тань-жэнь“, позднѣе всего признало власть манджурской династии и, сохранивъ первобытныя формы своего языка, совершенно разнится отъ населенія сѣвернаго Китая, которое не понимаетъ языка южныхъ китайцевъ.

Иностранцы «Яо-жэнь» неоднократно подымали знамя возстанія въ провинціяхъ Гуанъ-си и Хунань.

Это тоже способствуетъ политической и духовной разобщенности китайскаго народа и валагаетъ извѣстный отпечатокъ на національную душу народа.

Мнѣ кажется, что указанная мною специфическія стороны китайской души и быта даютъ до нѣкоторой степени представленіе о духовной личности китайца, но я не хотѣлъ бы заслужить упрека въ томъ, что вопросъ о національномъ характерѣ китайцевъ оставленъ мною безъ вниманія.

Характеръ каждаго народа, по моему мнѣнію, формируется подъ вліяніемъ длительного процесса его самобытнаго историческаго и духовнаго существованія,—такимъ образомъ вопросъ о национальной характеристикѣ китайцевъ всецѣло долженъ зависѣть отъ особенности его соціального быта и его нравственнаго и религіознаго самосознанія.

Въ частности мнѣ лично приходилось провѣрять мои выводы на нѣкоторыхъ представителяхъ интеллигентнаго Китая.

Поговорите даже и теперь съ интеллигентнымъ китайцемъ о внутреннихъ дѣлахъ его родины.

На всѣ ваши разспросы, относительно этого предмета вы, за немногими исключеніями, получите отвѣтъ—«во бу-гуань», которое у китайцевъ имѣетъ такое же національно-специфическое значеніе, какъ

наше русское „авось, да* небось“, японское—«сиката га наи», англійское «all right» и т. д.; въ переводѣ эти три слова значатъ «не мое дѣло» и въ совершенствѣ объясняютъ все міровоззрѣніе истиннаго «благонамѣреннаго китайца». Сколько мученій доставляло мнѣ это „во бу-гуань“ при моихъ сношеніяхъ съ китайцами!

Рутина, глупая осторожность страуса, прятущаго въ минуту призрачной опасности голову подъ крыло, гражданскій индифферентизмъ, отсутствіе интереса къ окружающей жизни и тупая замкнутость въ собственной скорлупѣ,—вотъ яркое выраженіе значенія этихъ трехъ словъ.

Не являются-ли они родоначальниками тѣхъ китайскихъ талантовъ, которые открылъ англичанинъ А. Смитъ, раздѣливъ ихъ на разряды:

1. талантъ непониманія,
2. талантъ окольности,
3. талантъ уступчивой неуступчивости.
4. талантъ интеллектуальной туманности,
5. талантъ пренебреженія точностью.

Кто изъ насъ русскихъ при сношеніяхъ съ китайцами не наталкивался на эти своеобразные китайскіе таланты?

«Выдающимся примѣромъ интеллектуальной туманности, говоритъ А. Смитъ, является распространенная привычка выставять вмѣсто причины для какаго нибудь факта самый этотъ фактъ, напримеръ:

Вопросъ: «почему вы не кладете соль въ хлѣбъ?»

Отвѣтъ: «мы не кладемъ соль въ хлѣбъ».

Авторъ старается найти причины такого страннаго логическаго дефекта въ особенностяхъ китайскаго языка, но, по моему мнѣнію, эти причины совершенно другого порядка и вызываются исключительно самобытными факторами китайской цивилизаціи, къ которымъ, кромѣ указанныхъ мною историческихъ, бытовыхъ, соціальныхъ и духовныхъ особенностей, относится классическое образованіе, мертвое изученіе памятниковъ сѣдой старины, почитаніе предковъ, обоготвореніе прошлаго и слѣпая ненависть ко всему новому, оригинальному.

«Языкъ съ такимъ построениемъ, какъ китайскій, самъ вызываетъ на интеллектуальную муть, точно также, какъ невыносимый лѣтній зной клонитъ къ послѣобѣденному отдыху». Не языкъ, а вся система китайской жизни, общій укладъ государственнаго устройства извратили китайское мышленіе!

Сколько разъ намъ приходилось убѣждаться въ силѣ, глубинѣ китайскаго ума въ практической жизни; этому уму недостаетъ только свѣжести, ясности и подвижности ума европейца.

«Умъ китайца подобенъ старой заржавленной гладкоствольной пушкѣ, поставленной на дряхлый лафетъ, и нуждается въ продолжительномъ налаживаніи, прежде чѣмъ возможно навести ее на цѣль,—когда она, навѣрное, дастъ осѣчку», говоритъ тотъ же г. Смитъ. Хотя подобная характеристика страдаетъ своей гиперболичностью и чрезмѣрнымъ

обобщениемъ, но, вѣдь всякаго сомнѣнія, именно такимъ долженъ представляться европейцу консервативный, практическій, прямолинейный умъ китайцевъ. Сколько здраваго смысла заложено въ китайскомъ принципѣ пассивнаго сопротивленія! Несмотря на то, что европейцы настойчиво и дѣлательно рубятъ окно за окномъ для того, чтобы показать упрямымъ китайцамъ просвѣщенный Западъ, испытанная китайская система пассивнаго сопротивленія, проводимая съ успѣхомъ правительствомъ съ чиновниками, дѣлаетъ свое «темное» дѣло и, можетъ быть, еще не скоро удастся китайскому народу выбраться изъ того невыносимаго положенія, въ которое поставила его тяжелая историческая необходимость.

Б. Андрущенко.

*Лишь только въ небо старый Зодчій
За дальнимъ скроется холмомъ,—
Ему на смѣну Рыцарь ночи
Встаетъ съ серебрянымъ щитомъ.*

*Во мракъ закованный, какъ въ латы,
Снопъ серебряныхъ лучей
Бросаетъ онъ на кровлю латы
И на палаты богачей.*

*Иль своды храма озаряя,
Внимаетъ чутко сквозь туманъ,
Какъ сладко спитъ земля сырая
И мѣрно дышитъ океанъ...*

*Блѣднѣетъ ночь... Съ улыбкой алой
Встаетъ заря надъ лономъ водъ,
И Рыцарь прочь бредетъ устало
И покидаетъ небосводъ.*

Бор. Г—невъ.

Семейныя отношенія въ Китаѣ.

(Изъ книги В. М. Смита—«Chinese Characteristics»).

Если я скажу, что отдѣльныя части Китая далеко не тѣсно связаны между собой, я лишь повторю сказанное уже многими авторами раньше. Но насколько государство раздѣлено, настолько китайскія семьи тѣсно спаяны.

Въ Поднебесной каждая семья представляетъ изъ себя одно цѣлое: въ ней не бываетъ ни болѣе бѣднаго, ни болѣе богатаго сочлена; и горе и радость отдѣльных членовъ раздѣляются всей семьей.

Если, на примѣръ, одинъ изъ членовъ семьи въ чемъ либо преуспѣваетъ, если онъ достигаетъ высокаго служебнаго положенія, вся семья его въ глазахъ окружающихъ достигаетъ того же положенія, въ обратномъ же случаѣ, если одинъ изъ членовъ семьи совершить преступленіе, вся семья наказывается наравнѣ съ нимъ. Послѣднее до нѣкоторой степени является причиной массовыхъ самоубійствъ.

Впрочемъ въ Китаѣ самоубійство вовсе не является чѣмъ либо постыднымъ. Обыкновенными средствами самоуничтоженія являются опій и веревка и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ ножъ, ибо китайцы придають большое значеніе тому, чтобы ихъ тѣло не было какимъ либо образомъ повреждено или порѣзано.

Часто самоубійство для китайца является орудіемъ мести. Это кажется, можетъ быть, невѣроятнымъ, но это фактъ. Предположимъ, что китаецъ очень крупно съ кѣмъ либо поссорился и не имѣетъ возможности никоимъ образомъ отомстить ему. Тогда онъ поступаетъ очень просто: располагается у входа въ домъ своего

врага и здѣсь лишаетъ себя жизни. Психологію такого самоубійцы нетрудно понять, если вспомнить, что въ Китаѣ существуетъ повѣріе, будто душа самоубійцы не можетъ подняться на небо и навсегда остается въ домѣ виновника самоубійства, являясь причиной всѣхъ его несчастій и жизненныхъ неудачъ. Разубѣдить въ этомъ китайца представляется вещь совершенно невозможной, такъ какъ изъ подобныхъ этому суевѣрій складывается все его духовное міровоззрѣніе, весь его религіозный культъ.

Поэтому, если у васъ есть непримиримый врагъ, самый лучший способъ заставить его идти на уступки и примиреніе—это, по мнѣнію китайца, пригрозить ему покончить съ собой у дверей его дома.

Противъ меня этотъ поистинѣ оригинальный способъ мести былъ примѣненъ два раза, хотя я совершенно ни въ чемъ не былъ виноватъ.

Однажды раннею весной я съ довольно многочисленной партіей китайцевъ-рабочихъ производилъ изысканія желѣзной дороги. Весна въ тотъ годъ оказалась въ высшей степени дождливой, произошли небывалые разливы рѣкъ, мосты были снесены, дороги покрыты водой, и вскорѣ та мѣстность, гдѣ мы находились, оказалась совершенно отрѣзанной отъ остального міра.

Вскорѣ нашъ запасъ риса изсякъ и пришлось питаться сухарями. Кули-китайцы отказались работать, обвиняя меня въ случившемся несчастіи. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ начались заболѣванія,

нѣсколько кули умерло, и въ этомъ опять оказался виноватымъ я.

Однажды утромъ мнѣ сообщили, что у моихъ дверей поднятъ съ перерѣзаннымъ горломъ одинъ изъ лучшихъ моихъ артельщиковъ Сун-ба, братъ котораго за нѣсколько дней до этого умеръ отъ лихорадки. Бывшій въ отрядѣ врачъ, осмотрѣвъ раненаго, нашелъ, что рана не такъ опасна, какъ казалось на первый взглядъ и, во всякомъ случаѣ, не смертельна. Впоследствии, по выздоровленіи, Сун-ба признался, что покушался на самоубійство исключительно, чтобы отомстить мнѣ за постигшее его, якобы по моей винѣ, несчастіе. Черезъ нѣсколько дней мы выбрались на населенный мѣста и наши мытарства кончились.

Другой случай произошелъ со мной нѣсколько позже: одинъ изъ моихъ кули повѣсился на деревѣ передъ моимъ домомъ, считая меня виновнымъ въ тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергалъ его мой артельщикъ-португалець.

Вернемся, однако, къ первоначальному предмету моего разсказа.

Какъ я уже говорилъ, въ Китаѣ отецъ является безусловнымъ главой семьи, которому обязаны повиноваться не только его дѣти, но и все его младшіе братья. Сынъ обязанъ своему отцу полнымъ повиновеніемъ, даже если онъ женатъ и если у него самого есть дѣти.

Отецъ имѣетъ абсолютную, ничѣмъ не ограниченную власть надъ жизнью и имуществомъ своихъ дѣтей. Чтобы понять это, слѣдуетъ вспомнить, что въ Китаѣ убійство отцомъ своего ребенка, даже взрослога, каралось до самаго послѣдняго времени, лишь сотней бамбуковыхъ ударовъ, а убійство сыномъ отца или младшимъ братомъ — старшаго наказывалось самой позорной и мучительной изъ смертныхъ казней.

Сколько бы сыновей ни было въ семьѣ, каждый изъ нихъ, желясь, вводитъ свою жену въ отчий домъ и здѣсь они остаются жить до старости. Обычай этотъ тяжелѣе всего, конечно, отражается на молодыхъ женахъ, вступающихъ въ домъ свекора. Здѣсь ихъ нерѣдко ожидаютъ самыя ужасныя притѣсненія отъ свекрови, подъ непосредственную власть

которой онѣ поступаютъ, и каковы бы ни были эти притѣсненія, жена не имѣетъ права жаловаться на нихъ мужу. Послѣдній тоже никогда не посмѣетъ не только заступиться за нее, но даже показать видъ, что считаетъ свою мать неправой. Если же вступится за жену, то только усугубитъ тяжесть ея положенія и вызоветъ искреннее негодованіе сосѣдей, которые обвиняютъ его въ отсутствіи сыновьяго почтенія, что почитается въ Китаѣ большимъ грѣхомъ.

Обычай жить нераздѣленными семьями ведетъ свое начало съ глубокой древности.

Наиболѣе прочно онъ сохранился до послѣдняго времени въ китайской аристократіи, гдѣ, несмотря на то, что семьи доходятъ до ста и болѣе человекъ, патриархальный укладъ нерѣдко оставался неизблемымъ.

Характернымъ показателемъ объема власти отца надъ дѣтьми является тотъ фактъ, что до самаго послѣдняго времени, онъ могъ потребовать заключенія въ тюрьму своего сына, не объясняя даже причины такого требованія.

Мнѣ часто случалось видѣть, какъ рослаго и сильнаго парня наказывалъ палкой слабый старикъ-отецъ.

Это напоминаетъ мнѣ, между прочимъ, анекдотъ, слышанный мною въ Пекинѣ.

Одинъ путешественникъ увидѣлъ однажды сидящимъ на дорогѣ и горько плачущимъ человека лѣтъ тридцати.

— Мой другъ, спросилъ его путешественникъ, какова причина вашего горя?

— О, сударь, меня побилъ отецъ.

— Развѣ вамъ не стыдно? Какъ можете вы, взрослый человекъ, заливаться слезами изъ-за такого пустяка?

— Я плачу вовсе не изъ-за ударовъ, а потому, что я почувствовалъ, что мой бѣдный отецъ проживетъ еще недолго: его рука становится съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе.

Анекдотъ этотъ можетъ показаться шуткой, но въ примѣненіи къ китайцамъ онъ вполне правдоподобенъ.

Перев. съ англійскаго

Э. Лабербисъ.

Этнографія Дальняго Востока.

Въ то время какъ фауна и флора Дальняго Востока привлекаетъ все больше и больше ученыхъ специалистовъ, этнографія остается, какъ будто, въ тѣни. Исслѣдованія Л. Шренка въ этой области все еще считаются самыми полными и основательными, хотя и они уже давно устарѣли. Особенно классификація инородцевъ нашего Дальняго Востока не выдерживаетъ уже никакой научной критики. Названія какъ: палеазиаты, тунгусы, гиляки и орочны сдѣлались такими обобщеніями, которыя нерѣдко вводятъ читателей въ заблужденіе.

Палеазиатскими народами считаются обыкновенно чукчи, юкагиры, алеуты, коряки, ительмены, гиляки и айны, но существуетъ ли между ними лингвистическое или антропологическое сродство, остается еще открытымъ вопросомъ. Нѣкоторые писатели однако не сомнѣваются, что всѣ палеазиаты составляютъ одну семью народовъ, которые, въ свою очередь, будто родственны сѣверо-американскимъ индѣйцамъ. Извѣстная связь между инородцами сѣверо-восточной Сибири и Сѣверной Америки врядъ ли даже подлежитъ сомнѣнію, но пока не можетъ быть и рѣчи о такомъ близкомъ и обширномъ родствѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ антропологовъ, самыми типичными палеазиатами являются айны, между тѣмъ какъ другіе палеазиатскіе народы подверглись значительному влиянію монгольской расы. А айны, какъ полагаютъ, стоятъ ближе къ австралийской и кавказкой расамъ, чѣмъ къ монголамъ и американскимъ индѣйцамъ.

Къ тунгусамъ причисляются послѣдовательно всѣ маньчжурскія племена и нерѣдко даже нѣкоторые изъ палеазиатскихъ народовъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ тунгусами. Хотя нѣтъ

никакого сомнѣнія въ отдаленномъ родствѣ между тунгусскими и маньчжурскими племенами, но это сродство безспорно преувеличено. Между кочевниками тунгусами и болѣе осѣдлыми маньчжурскими племенами существуетъ довольно значительная лингвистическая и этнографическая разница. Почти всѣ тунгусскія племена сохранили свое общее названіе «эвэнки», между тѣмъ какъ маньчжурскія племена называютъ ихъ килэрами. Имена числительныя являются общими въ обоихъ языкахъ (т. е. въ тунгусскихъ и маньчжурскихъ нарѣчіяхъ) только до десяти, но для высшихъ чиселъ есть у каждаго народа свои собственные названія. Звукъ «г» между двумя гласными сохранился въ тунгусскихъ нарѣчіяхъ, но уже исчезъ въ маньчжурскихъ діалектахъ. Примѣры: тунг. дыгін, маньчж. дуін, четыре; тунг. бега, маньчж. бја, мѣсяць; тунг. сыгун, маньчж. шун, солнце; тунг. сэгэф, гольд. сэфу, соболь. Кромѣ того существуетъ еще извѣстная разница между тунгусскимъ и маньчжурскимъ языками въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ тунгусскую группу составляютъ собственные тунгусы, орочны, маньчжурцы, солоны, ламуты, негдалцы и самагиры,—а маньчжурскую—собственные маньчжуры, гольды (съ нижними или ольча-гольдами и ороками) и орочи (состоящіе изъ трехъ племенъ: ороча, кякаръ и удихэ). Поэтому нужно строго различать тунгусскихъ орочонцевъ, живущихъ до рѣкъ Шилкѣ и въ Маньчжуріи, и маньчжурскихъ орочей, обитающихъ въ Приморской области.

Ближайшими родственниками маньчжуровъ являются такъ называемые гольды, которые еще не имѣютъ одного общаго названія для своего народа и языка. Хотя верхніе гольды называютъ себя

«хэджэ», средніе — «нани», но обыкновенно они различаются только по родамъ. Нижніе гольды или ольчи (они же и мангуны) называютъ гольдами (голдi) только среднихъ или наней, но русскіе перенесли это же наименование также къ верхнимъ (хэджэ), между тѣмъ какъ самыхъ ольчей причисляютъ обыкновенно къ палеазиатскимъ гилякамъ. Поэтому не безъ всякой причины нѣкоторые писатели относятъ гиляковъ къ тунгусскому племени. Такія недоразумѣнія объясняются очень просто отсутствіемъ правильныхъ названій и правильной классификаціи инородцевъ Восточной Сибири.

Въ такихъ вопросахъ можетъ разобратся только восточникъ, знающій китайскій и манджурскій языки. Естественникъ или филологъ можетъ искать сродство между гиляцкимъ и гольдскимъ языками даже на основаніи общихъ культурныхъ словъ, какъ напр.: гил. акынть, гольд. ахунъ, старшій братъ;—гил. и гольд. джавгинъ, господинъ;—гил. мэгэ, гольд. мяочя, ружье;—гил. быхъ, гольд. бэхэ, тушь и т. д. Восточникъ же сразу пойметъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ китайской культуры (срав. кит. слова: а-хюнъ, дзянь-гюнь, млоцянь и т. д.), принесенной на сѣверъ манджурами.

Шаманство считаютъ типичной религіей сибирскихъ инородцевъ и существуетъ даже гипотеза, что китайцы заимствовали у нихъ нѣкоторые изъ ша-

манскихъ обрядовъ. Но китайскій іероглифъ «у», означающій шаманку, принадлежитъ къ самымъ древнимъ фонетическимъ знакамъ китайской письменности и изображаетъ двухъ пляшущихъ женщинъ, молящихся о дождѣ. Кромѣ того такія важныя принадлежности камланія, какъ мѣдныя зеркала съ изображеніями китайскихъ іероглифовъ, бубенчики и желѣзныя побрякушки тунгусско-манджурскіе шаманы получали только отъ китайцевъ. Ясно видно, что въ шаманскихъ обрядахъ очень много китайскаго, но нѣтъ у насъ никакихъ данныхъ, чтобы и китайцы заимствовали шаманскіе обряды у тунгусско-манджурскихъ племенъ.

Въ настоящее время имѣются у насъ уже подробныя описанія шаманства, снабженныя очень интересными объясненіями. Не слѣдуетъ однако забывать, что эти объясненія прошли не только черезъ фантазію самыхъ авторовъ, но и ихъ переводчиковъ. Кромѣ того шаманы, какъ извѣстно, не охотно говорятъ о своихъ обрядахъ, значенія которыхъ они нерѣдко даже и сами не знаютъ. Для проверки такихъ извѣстій нужны опять китайскіе и манджурскіе источники. Поэтому мнѣ кажется, что восточники лучше подготовлены для изученія этнографіи Дальняго Востока, и было бы желательнo, чтобы мѣстные музеи пригласили ориенталистовъ для завѣдыванія ихъ этнографическими отдѣленіями.

Проф. П. Шмидтъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

1.

*Жизнь печать сурово налагаетъ
На воздушно-розовые замки,
И все уже каждый день сдвигаетъ
Сърой жизни будничныя рамки
И все рѣже, рѣже могутъ руки
Прикасасть къ позабытымъ стру-
намъ,
И все больше, больше горькой муки
Въ этомъ сердцѣ, трепетномъ и
юномъ!...*

2.

*Ни любви, ни дружбы, ни участья...
Міръ вокругъ—холодная пустыня...
По пути къ забрезжившему счастью
Донесу-ль въ груди мою святыню?
Разорится-ль въ сердце съ новой
силой
Тотъ огонь, что вспыхивалъ когда-
то?...
Иль лучей то солнца вспышкой было
Въ облакахъ, погасшихъ въ часъ
заката?...*

Бор. Г—невъ.

ВЪ ХУЛУНЬБУИРЪ. Орочены.

Орочены представляютъ изъ себя одно изъ бродячихъ тунгусскихъ племенъ, живущее въ горахъ Внутренняго Хингана. О ихъ происхожденіи китайскіе источники (Со-фан-бэй-чэн) говорятъ, что „орочены одного племени съ солонами и дагурами“.

Въ періодъ монгольской династіи (1279-1368) орочень называли Лин-му бо синь, т. е. «лѣсные люди», а въ началѣ маньчжурскаго владычества—Шуджун-жэнь „люди живущіе въ лѣсахъ“ и кромѣ того племенемъ Ши-лу.

Извѣстно, что Нурхаци во время похода въ Сѣв. Маньчурію покорилъ аймакъ Но-ло, что, по мнѣнію китайскихъ писателей, есть измѣненное произношеніе слова О-лунь.

Въ началѣ царствованія императора Тай-дзунь орочены были еще свободнымъ племенемъ, въ чемъ мы убѣждаемся изъ кит. извѣстій объ Алай Дарханѣ, который, преслѣдуя бѣжавшихъ муминганцевъ, подошелъ къ Ши-лу и захватилъ тамъ въ плѣнъ 29 человекъ мужчинъ и женщинъ, „принадлежавшихъ къ племени, которое не платитъ никому дани“. Зависимыми же отъ Китая орочены сдѣлались только въ концѣ царствованія Тай-дзуня (1628—1643).

О происхожденіи названія „орочень“ въ сочиненіи И-юй-лу говорится: «туземцы держатъ оленей для верховой ѣзды, для упряжки и для вьюковъ. Эти олени пепельно бѣлаго цвѣта, по виду похожіе на осла, но только съ рогами, зовутся на языкѣ туземцевъ О-лонь. Навѣрное названіе орочень произошло отъ оленя“. Сами себя орочены называютъ именемъ «орочонь», не объясняя однако его происхождения.

Вначалѣ орочены были подвѣдомственны Бутха'скому цзун-гуанью, а по образованіи изъ нихъ тысячнаго отряда, въ 8-й годъ правленія Гуан-Сюй, въ мѣстности Тай-пин-вань былъ основанъ городъ Хинганъ (Син-ань чэнъ), долженствовавшій служить центромъ управленія ороченами. Послѣдніе были раздѣлены на 16 ротъ, приписанныхъ къ округамъ: Кумарскому—8 ротъ, Ари—1 рота, Дабхури—1 рота, Бираръ—4 роты, То—2 роты, во главѣ которыхъ стояли два ухэрида (одинъ маньчуръ, другой орочень) и шесть ильхида (2 маньчуря и 4 орочена). Но мѣсто для постройки города было выбрано неудачно и не прошло и года, какъ всѣ присутственныя мѣста были разрушены подпочвенными водами и управленіе пришлось перенести на станцію Кардарь.

Хэй-лун-дзянскій дзян-дзюнь во 2-й годъ правленія Гуан-Сюй, въ докладѣ на Высочайшее имя предложилъ измѣнить существующія установленія относительно управленія ороченами, уничтоживъ должности Хинганскихъ ухэрида и ильхида. Для лучшаго же выполненія правительственныхъ распоряженій совѣтовалъ прибавить въ городахъ: Айгунь, Мэргэнь, Хулуньбуиръ и Бутха по одному гусайда и одному бигѣши для завѣдыванія дѣлами орочень, 16 ороченскихъ ротъ поручить фудутунамъ 4 городовъ: Айгуньскому—Кумарскій округъ, Мэргэньскому—округа Ари и Дабхури, Бутха'скому—Бирарскій округъ и Хулуньбуирскому—орочень округа То.

На докладъ послѣдовала Высочайшая резолюція отъ 29-го дня 5-го мѣсяца 20-го года правленія Гуанъ-Сюй: „Исполнить по закону и согласно всему

изложенному въ докладѣ. Такимъ образомъ орочены округа То Императорскимъ указомъ оказавшимся прикрьбленными къ Хулунбуиру. Тамъ они образуютъ отдѣльный хошунъ Хубэ-Хуху. Въ одной ротѣ насчитывается 63 юрты съ населеніемъ 114 мужч., 94 женщ., 53 мальч. и 51 дѣв., въ другой — 74 юрты, 116 мужч., 100 ж., 46 мальч., 61 дѣв. Кочуютъ они по р. Кульдурю, въ верховьяхъ Гана и въ верхнемъ теченіи р. Иминь, за горами Солонъ Маджуръ. Занимаются орочены исключительно охотой. Бьютъ кабана, лося, выдру, лисицу, тарбагана, но все это не такъ цѣнно для нихъ, какъ панты. Панты это еще неотвердѣвшіе рога особаго вида оленя (*Cervus mandchuricus*), извѣстнаго у насъ въ Сибири подъ именемъ изюбря. Охотятся орочены на него въ срединѣ іюля, отправляясь въ горы партіями сутокъ на 6—7.

Сбываются панты китайцамъ, пооткрыжавшимъ факторіи въ глухихъ мѣстахъ Хингана съ незапамятныхъ временъ. Своей системой кредита они такъ опутали орочень, что послѣдніе, будучи не въ состояніи раздѣлаться съ долгами, принуждены всѣ продукты охоты отдавать своимъ займодавцамъ по самымъ минимальнымъ цѣнамъ, чтобы лишь не умереть съ голоду.

Жилье орочена похоже на лѣтнікъ Сунгарійскаго Гольда. Въ кругъ, діаметромъ до трехъ сажень, ставятся наклонно штукъ 20—30, жердей соединяясь концами вверху, покрываются слоемъ плетеннаго камыша или пластами бересты, зимою же исключительно камышемъ въ нѣскольکو слоевъ и домъ готовъ.

Внутреннее убранство такого шалаша (по ороченски джу) небогато: по срединѣ очагъ, съ постоянно тепящимся огнемъ, впереди и по бокамъ постели изъ шкуръ, за постелями сваленъ весь немногочисленный скарбъ кочевника, спрятанный въ кожаные мѣшки и берестянные туеза. При входѣ, направо, на землѣ стоятъ нѣсколько берестяныхъ ведерокъ и чашекъ, да маленький котелокъ для варки пищи. Здѣсь вы не найдете громаднхъ сундуковъ, ящичковъ, громаднхъ котловъ и скамеекъ, которые есть въ каждой, мало-мальски

зажиточной, монгольской юртѣ. Здѣсь во всемъ преслѣдуется компактность, которая такъ необходима при перевозкѣ выюками. Даже люльки для дѣтей устроены такъ, чтобы крѣпко спеленатаго ребенка можно было, положивъ туда и припнуровавъ къ стѣнкамъ, закинуть за спину матери, сидящей въ сѣдлѣ.

Прямо позади очага, надъ постелью, виситъ берестяной круглый туезокъ съ изображеніемъ боговъ: Сумъ Бурхана и Хада Бурхана. Немного позади и ниже виситъ четырехугольный кусокъ войлока съ грубо-вышитымъ, конскимъ волосомъ, изображеніемъ двухъ человѣческихъ лицъ, сортами, измазаннми жертвеннымъ молокомъ. Это ДЖОЛ—покровитель скота.

Орочены придерживаются шаманства. При каждомъ несчастіи приглашается шаманъ, на обязанности котораго лежитъ исправить вредъ, причиненный злыми духами.

Въ костюмѣ ороченскаго шамана есть одна любопытная особенность, отличающая его отъ бурятскихъ и манджурскихъ шамановъ: во время камланія, кромѣ костюма, увѣшаннаго мѣдными бляхами—„толи“, и шапки, увѣчанной рогами оленя, надѣвается еще деревянная маска, изображающая лицо человѣка и называемая—„Дэрэклэн“. Къ сожалѣнію, шаманство еще такъ мало изучено, что трудно сказать, чѣмъ объясняется такая особенность. При свадьбѣ, какъ и похоронахъ обходятся безъ всякаго посредника между небомъ и людьми. Весь ритуальъ ведется какимъ-нибудь почтеннымъ старикомъ.

Умершихъ хоронятъ въ лѣсу, закапывая въ яму и сжигая надъ ними жертвенныя бумажки, а возвратившись домой, справляютъ тризну.

У орочена еще сохранилось благоговѣйное почитаніе старости они встаютъ при входѣ старика, какъ и при выходѣ, въ разговорѣ ждуть, чтобы заговорилъ старшій, и тогда почтительно отвѣчаютъ. Привѣтствуя, дѣлаютъ книксенъ и протягиваютъ руку за вашей трубкой, чтобы набить ее своимъ табакомъ и, закуривши, передать вамъ, что замѣняетъ монгольское обмѣниваніе табакерками.

Курятъ ороченъ, какъ и пьютъ, поголовно всѣ и мужчины, и женщины, и дѣти. Пьютъ ханшинъ, пьютъ водку, но больше всего пьютъ русской спиртъ.

Въ пищу они очень не разборчивы, ѣдятъ все, что только можно ѣсть. Когда нѣтъ мяса и рыбы, развариваютъ буду и питаются ею, употребляютъ въ пищу также нѣкоторые корни и ягоды. Платье ихъ то же, что и китайское, лишь сапоги шьются дома изъ сыромятной кожи и приспособлены для безшумной ходьбы по лѣсу.

Женщины не носятъ на головѣ серебряныхъ украшеній подобно монголкамъ, а заплетаютъ волосы въ двѣ косы и подвязываютъ ихъ платкомъ. Ни крупнаго, ни мелкаго рогатаго скота нѣтъ у ороченъ, для перекочевокъ же пользуются лошадью и оленемъ. Всѣ переезды совершаются верхомъ, т. е. телѣга имъ не знакома, да и невоз-

можно проѣхать на телѣгѣ тамъ, гдѣ даже привычная лошадь иногда отказывается идти.

Языкъ ороченъ находится съ одной стороны въ близкомъ родствѣ съ языкомъ нашихъ тунгусовъ, а съ другой— съ солонскимъ.

Самъ по себѣ онъ дѣлится на нѣсколько говоровъ, различающихся между собою какъ постановкой ударенія, такъ и лексическимъ составомъ; напр.: «солнце» у кумарскихъ ороченъ будетъ дэлача, а у хулунбуирскихъ— сивэн, «куда идешь?» итхэхи гэнэрэн (кум. ор.), илэ нэнэнди (х. ор.) и т. д.

Но все это говорится лишь на основаніи моихъ первыхъ наблюденій; ороченъ же ждуть еще своего изслѣдователя, который сказалъ бы объ нихъ послѣднее слово.

Б. Панкратовъ.

Бадарчины.¹⁾

Нищихъ въ монгольскихъ степяхъ и у нашихъ забайкальскихъ бурятъ я не встрѣчалъ. Конечно, бываютъ здѣсь и тамъ обездоленные люди, но они не ходятъ изъ юрты въ юрту за подаяніями. Но за то очень многочисленны т. н. бадарчины.

Для опредѣленія ихъ нѣтъ даже собственнаго монгольскаго слова и оно заимствовано изъ санскритскаго языка. Оно означаетъ «держатель чашки нищенствующаго монаха». Такую чашку можно видѣть на изображеніяхъ основателя религіи Будды—Шакьямуни. Но современные бадарчины, не смотря на свое названіе, не имѣютъ такой чашки.

Бадарчины бываютъ двухъ родовъ. Одни—богатые, вліятельные ламы, задумавшіе что-нибудь сдѣлать изъ религиозныхъ побужденій у себя дома въ Тибетѣ или Монголіи.

Они или лично или чрезъ посланныхъ лицъ собираютъ пожертвованія. Такіе сборы становятся для народа почти налогомъ, въ особенности, когда находятся подъ покровительствомъ князя или вообще администраціи.

Другіе—ламы болѣе бѣдные, изыскивающіе такъ или иначе себѣ средства. Бадарчины бываютъ обыкновенно пришельцы изъ другихъ мѣстъ, при чемъ они посѣщаютъ мѣста въ такомъ порядкѣ: Тибетъ, Китай, Монголія и русскіе предѣлы съ ламаитами. Этимъ хочу сказать, что тибетцы бываютъ во всѣхъ мѣстахъ, китайцы во всѣхъ, за исключеніемъ Тибета, монголы у монголовъ и въ предѣлахъ русско-подданныхъ бурятъ и калмыковъ; а буряты у калмыковъ и буряты же, калмыки же у себя.

Это происходитъ отъ того, что ламаизмъ распространяется, по выраженію ихъ самихъ, «съ сѣвера на сѣверъ», т. е. первые народы являются какъ-бы духовными отцами вторыхъ... Кромѣ того здѣсь, можетъ

¹⁾ О характерѣ дѣятельности бадарчиновъ интересующійся можетъ узнать изъ перевода питомца Вост. Инст. г. Боржискаго въ «Извѣстіяхъ В. С. Отд. И. Р. Г. О.» за 1915 г. т. XLIV.

быть, играет роль сравнительно бóльшая матеріальная состоятельность вторыхъ предъ первыми, а скорѣе всего имѣетъ значеніе степень благоговѣнія предъ ламами. Тамъ, гдѣ ламаизмъ существуетъ съ очень давнихъ поръ, бадарчины уже наскучили народу и имъ не охотно даже подають что-нибудь; обыкновенно же въ Тибетѣ и Китаѣ не пускають ихъ въ дома. То же самое наблюдается въ городахъ-монастыряхъ Монголіи.

Бадарчины, предпринявъ такое путешествіе, напр. изъ китайскаго Утайшаня или Тибета, запасаются нѣсколькими изображениями буддъ (въ родѣ нашихъ лубочныхъ картинъ) и нѣсколькими пачками курительныхъ свѣчъ и ничтожнымъ количествомъ лекарствъ. Это, конечно, бадарчины богатые и средне состоятельные. Бѣдные же идутъ, имѣя только четки. Зайдя въ юрту монгола или бурята и калмыка, бадарчинъ обыкновенно занимаетъ почетное мѣсто и старается заявить себя знатокомъ грядущаго, а также лекаремъ.

Темный и до суевѣрія набожный народъ начинаетъ благоговѣть и просить предсказать имъ судьбу.

Предсказанія дѣлаются все по одному шаблону и все могутъ быть истолкованы такъ или сякъ. Напримѣръ, какой-нибудь мірянинъ спрашиваетъ о своей судьбѣ. Такъ бадарчинъ говоритъ: «тебѣ угрожаетъ несчастье; если ты съ истиннымъ благоговѣніемъ сдѣлаешь поднесенія «духовенству», то будетъ все благополучно и ты съ семьей проживешь до глубокой старости». Еще примѣръ: потерялась въ степи лошадь. Хозяинъ спрашиваетъ, гдѣ лошадь и какъ найти? Бадарчинъ, сдѣлавши видъ гаданія, говоритъ: «она, должно быть, жива; если жива, то ты найдешь, распросивши у людей. Тебѣ вѣрное мѣсто пребыванія ея укажетъ человекъ на темной или свѣтлой лошади». Третій примѣръ: человекъ боленъ. Онъ спрашиваетъ о причинѣ болѣзни. Бадарчинъ говоритъ: «у тебя есть бѣлая вещь, полученная отъ мірянина, ты выброси эту вещь». Получивъ такія предсказанія мірянинъ стара-

ется выполнить все указанія бадарчина, иначе онъ очень мнителенъ и будетъ мучиться отъ того, что не исполнилъ предсказанія его¹.

Понятно, какую роль въ жизни кочевниковъ играютъ бадарчины. Они сотнями приходятъ изъ Тибета и Китая въ Монголію и на зиму предпочтительно забираются въ русскіе предѣлы. Въ последнее время ихъ заставляютъ брать паспорта отъ русскихъ консуловъ въ Ургѣ и Хайларѣ.

Мнѣ случалось видѣть нѣсколько такихъ паспортовъ, выданныхъ или же вѣрнѣе явленныхъ въ консульствѣ въ Ургѣ. Паспорта эти выдаются монгольскимъ правительствомъ, не смотря на то, кто обладатель этого паспорта, тибетецъ, китаецъ, или монголь внутренней Монголіи, и мотивируя его поѣздку въ Россію «по торговымъ дѣламъ». На этомъ паспортѣ дѣлается помѣтка или сокращенный переводъ нашимъ консульствомъ со взиманіемъ консульской пошлины.

Затѣмъ консульствомъ дѣлается главная помѣтка, что предъавитель не долженъ дѣлать сбора пожертвованій на религиозныя и другія дѣла Тибета, Китая и Монголіи. Въ противномъ случаѣ онъ немедленно долженъ быть высылаемъ изъ предѣловъ Россіи.

Мнѣ думается, что русскому правительству или, въ частности, нашей дипломатіи нужно бы войти въ сношеніе съ монгольскимъ правительствомъ и настоять на томъ, чтобы эта оговорка была бы внесена и въ монгольскій текстъ паспортовъ.

Мы хорошо знаемъ, какъ смотрятъ ламанты на все, исходящее отъ «священнаго правительства Вишней Монголіи», и такая оговорка на монгольскомъ языкѣ оказала бы воздѣйствіе на всякіе поборы со стороны бадарчиновъ, въ смыслѣ ихъ уменьшенія.

Согласимся съ тѣмъ, что ламанты пока гораздо скорѣе могутъ прочитать написанное по-монгольски, чѣмъ по-русски.

Г. Ц.

¹) Слово предсказаніе на монгольскомъ языкѣ «абурал», что значитъ «спасеніе, защита».

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ ТОВАРИЩА В. П. БАДАНИНА.

Среди безчисленныхъ жертвъ настоящей войны есть одна, близкая намъ, студентамъ Восточнаго Института, которой мнѣ хочется посвятить нѣсколько строкъ. Страницы нашего сегодняшняго журнала—самое подходящее для нихъ мѣсто. Я не могу не подѣлиться нѣкоторыми, имѣющимися у меня, свѣдѣніями о Владимірѣ Петровичѣ Баданинѣ съ тѣми изъ товарищей, которые близко сошлись съ нимъ за короткое, сравнительно, пребываніе его въ нашей alma mater.

Чуткая, болѣзненно-чуткая натура, остро переживавшая нынѣшнія событія, — онъ не смогъ остаться равнодушнымъ къ тому, что испытываетъ наша великая родина, не былъ въ силахъ остаться пассивнымъ зрителемъ кроваваго кошмара. Его тянуло туда, гдѣ такіе же, какъ и онъ, рыцари льютъ свою кровь за поправное право и втоптанная въ грязь германскимъ сапогомъ правду и справедливость. Онъ оставилъ Институтъ и уѣхалъ прошлой зимой въ военное училище, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ маѣ этого года и отправленъ на фронтъ. Съ дороги онъ мнѣ писалъ: «Шлю большой-большой привѣтъ дорогому товарищу. Хочется, чтобы эти строчки все же нашли Васъ во Владивостокѣ. Полу-

чиль когда-то отъ Васъ большое письмо, но ничего не писалъ. Буду писать оттуда, съ позицій. А буду тамъ, навѣрное, уже скоро. Теперь ѣду въ Кіевъ и эти строчки пишу въ вагонѣ. Весна—такъ хорошо и радостно. Не сердитесь же».

Изъ Кіева я имѣлъ второе письмо. «Дорогой товарищъ! Сегодня вечеромъ ѣду въ Львовъ. Все выходитъ такъ, какъ хочу. Простите, что ничего, ничего не пишу. Какая-то странная жизнь! Но потомъ.... если не сразу все кончится....»

Третье письмо я получилъ отъ него уже съ театра военныхъ дѣйствій. «Дорогой А—ди! Шлю Вамъ свой привѣтъ уже съ позицій. Хочется сообщить Вамъ скорѣе свой адресъ—вѣдь Вы будете мнѣ писать? Конечно, не разсердились на меня за мое долгое-долгое молчаніе. И еще одно буду просить отъ Васъ—сообщить его тѣмъ моимъ товарищамъ, съ которыми мы такъ хорошо раньше жили, Ф. и другимъ....»

А вскорѣ пришло и четвертое,— послѣднее, помѣченное 13 іюня: «Дорогому товарищу привѣтъ! Знаете ли Вы мой адресъ? На всякій случай еще разъ напишу его Вамъ.... Сейчасъ сравнительно тихо. Отдыхаемъ послѣ «жаркихъ» дней 10-го и 11-го. Но что будетъ ночью....»

Кажется, затишье передь бурей. Трещать только надь головой разрывныя пули австро-германцевъ. Обыкновенныя пули у нихъ являются какъ-будто исключеніемъ изъ общаго порядка. Пишите, — буду ждать». А сбоку была приписка такого содержания: «Вашъ другъ скончался отъ перитонита, послѣ раненія въ животъ. Похороненъ при ст. Красне, гдѣ онъ былъ въ госпиталѣ I отряда Всерос. Земск. Союза. Сестра милосердія Федосова».

Нашли-ли это письмо въ карманѣ, или самъ Баданинъ въ предсмертной

агоніи просилъ объ этомъ — не знаю. Хотѣлъ я написать сестрѣ милосердія и узнать о его послѣднихъ минутахъ, но рѣшилъ, что у нея и безъ того работы много, и раздумалъ.

Улетѣла кристально-чистая душа, перестало биться еще одно большое, благородное сердце. И какъ-то не хочется примириться съ мыслью, что В. П. Баданинъ уснулъ навѣки, что мы его больше не увидимъ, что гдѣ-то въ далекой Галиціи нашелъ онъ вѣчное упокоеніе.... Да будетъ ему легка земля!

Х. А—ди.

Военные мотивы современной японской поэзіи.

(Переводъ съ японскаго съ сохраненіемъ оригинальнаго размѣра).

Одинъ верхомъ на развѣдкѣ.

Былыя стихи Мацукуні Тадзима изъ провинціи Исе.

Какая радость, любовь
проникають меня,
Когда я слышу ржанье
и топотъ копытъ
Любимаго своего
коня. Онъ чуетъ
Господина своего;
кровь его горячится,
Спина подпрыгиваетъ,
грива его трясется.
Эхъ, дружище ты мой! Другъ
жизни и смерти!
Чуешь ли ты, какую
на плечи беремъ
Тяжелую задачу?
Впередъ поидемъ,
Подставляя жизнь свою
врагу, — чуешь ли?...
Поднявъ взоръ я на небо,
долго смотрѣлъ на него, —
Мчатся клубками тучи
черныя; а горы
Высокія бѣлѣють,
чернѣють; скалы
Стремятся вверхъ и отвисли
косо деревья.
«Рисью впередъ!» — ударилъ я
кнутомъ. Несется
Мѣрной рысью конь... Тише... тише...
Вдругъ раздается
Гдѣ-то тамъ выстрѣлъ. И конь мой
стадъ... Тише... тише...

Ординарецъ и постовой.

Былыя стихи фельдфебеля кавалеріи Содзи Накама.

Запахомъ съ поля битвы
пропитанъ вѣтеръ.
Заволокло тучами
небо. Дорога
Темная. Еле слышенъ
вдали топотъ копытъ.
Задача отвѣтственна.
ни зги не видно,
Дорога неизвѣстна,
поводомъ одно
Чутье лишь управляетъ.
Ощупью идетъ
Впередъ онъ. Раздается
вдругъ голосъ... Кто идетъ?...
Ахъ, это окрикаетъ
постовой. Своя
У каждаго задача.
Разступаются
Тучи, пробивается
неясно луны
Свѣтлый ликъ. Оба они
какъ разсмѣются,
Облегченно вздыхая!
И осторожно
Направляется дальше
онъ къ цѣли своей.

(Перев. съ японскаго Е. Спальвинъ.)

Очередная задача краевѣдѣнія.

Приобрѣтеніе Россіей въ 1858 и 60 годахъ территоріи, подъ которой мы разумѣемъ теперь Амурскій край, утвержденіе здѣсь русскихъ, выдвинуло для новыхъ владѣтелей разнообразныя обязанности научнаго и практическаго характера. Теоретически полагалось бы, что научное изученіе края начнется и будетъ идти совмѣстно съ практическимъ расширеніемъ возможностей всесторонняго использованія его богатствъ. Однако утилитарно-практической характеръ всевозможныхъ начинаній въ краѣ, до «Трудовъ Амурской экспедиціи», поглощающе преобладалъ надъ научнымъ изслѣдованіемъ и теоретической разработкой многихъ насущныхъ для молодого, въ рукахъ Россіи, края.

Въ частности вопросъ объ изученіи обильнаго своими интереснѣйшими страницами прошлаго Амурскаго края до послѣдняго времени въ особенной мѣрѣ казался матеріаломъ теоретическаго характера, съ которымъ можно подождать. Но почти шестидесятилѣтній періодъ обладанія краемъ ставитъ теперь вопросъ краевѣдѣнія и, въ частности, изученія исторіи Амурскаго края, въ отличную отъ прежняго плоскость, вслѣдствіе чего своевременность и необходимость систематической разработки историческихъ матеріаловъ, въ самомъ ближайшемъ будущемъ безспорны и необходимы.

Извѣстно, что главнѣйшими данными для исторіи народа и территоріи являются съ одной стороны историческія хроники и лѣтописи, а съ другой археологическіе матері-

алы, и, если первые изъ указанныхъ источниковъ для исторіи Амурскаго края отрывочны и скудны и въ то же время въ особенной мѣрѣ требуютъ спеціальныхъ знаній китайскаго и маньчжурскаго языковъ, то послѣдніе, благодаря работѣ отдѣльных лицъ, уже и въ настоящее время представлены обильно, и опредѣляютъ благопріятныя условія для успешной работы составленія исторіи края по даннымъ археологіи.

Путь, въ данномъ случаѣ, отъ археологіи къ исторіи Амурскаго края тѣмъ болѣе очевидно возможенъ, что между исторіей вообще и археологіей имѣется тѣснѣйшее взаимоотношеніе и разница между ними лишь въ методахъ. Если, такимъ образомъ, отрывочныя свѣдѣнія китайскихъ хроникъ опредѣляютъ главную направляющую другихъ изысканій и даютъ поясненіе общей обстановки историческихъ событій, то въ дальнѣйшемъ тѣмъ болѣе будетъ обращено соотвѣтствующее вниманіе на поиски и также изученіе древностей быта въ Амурскомъ краѣ, тѣмъ болѣе будетъ освѣщена и разработана его исторія.

II.

Амурскій край и, въ частности, Уссурійскій, — территорія, простирающаяся въ обширномъ бассейнѣ р. Амура и его главнѣйшихъ притоковъ Зеи, Сунгари и Усури, — получили теперешнія политическія границы, какъ извѣстно, недавно, лишь въ началѣ второй половины XIX ст. До указаннаго момента земельныя площади близъ назван-

ныхъ водныхъ артерій, представляли собою лишь незначительную часть обширнаго пространства, съ которымъ онѣ были неразрывно связаны, какъ естественно-географическими условіями, такъ и общими историческими переживаніями.

Это обстоятельство объясняетъ наличіе въ китайскихъ хроникахъ свѣдѣній о территоріи нашего теперь Амурскаго края. Съ давнихъ временъ по V вѣкъ до Р. X. пространство въ границахъ на сѣверѣ р. Жо-шуй (Амура), на востокъ побережья Японскаго моря, на югѣ — Чанъ-бо-шаньскихъ горъ, именно восточная часть сѣверной Маньчжуріи и порубежная съ ней наша окраина отмѣчены какъ мѣстожителства тунгусскихъ поколѣній Сишэнь или Су-шэней.

Къ началу нашего лѣтосчисленія, послѣ того, какъ сушэни разбились на нѣсколько родовъ, выдѣлился одинъ изъ нихъ подъ именемъ И-лоу, обитавшій въ самой восточной части Маньчжуріи въ бассейнѣ Амура и Уссури и, впоследствии, въ Южно-Уссурийскомъ краѣ, до самаго побережья. И-лоу въ зимнее время отходили отъ рѣкъ и укрывались въ пещерахъ. При справедливости гипотезы, что И-лоу есть передача и прежде существовавшаго маньчжурскаго слова јеру логовище въ землѣ, пещера въ скалѣ, — объясняется значеніе эпитета Илоу — «пещерники».

Съ V по VII вѣкъ по Р. X. на земляхъ, занимаемыхъ до того народомъ И-лоу, усилилось родственное имъ племя и ихъ государство стало извѣстно подъ именемъ У-ци.

Это названіе есть фонетическое видоизмѣненіе слова weзі, сохранив-

шагося до XVII столѣтія за однимъ изъ маньчжурскихъ родовъ, соотвѣтствовавшее въ старомъ маньчжурскомъ языкѣ слову лѣсь, чаща, въ приложеніи къ наименованію народа означаетъ «таежные, лѣсные» жители. Въ VII вѣкѣ это названіе исчезло и народы, носившіе его, стали извѣстны подъ именемъ Мо-хэ.

Главное сосредоточіе мохэ'сцевъ (предположительно отъ прежде существовавшаго слова муке — вода) опредѣляется бассейномъ водъ Амура, Сунгари, Хурха, Уссури. Въ VIII ст. на территоріи Маньчжуріи изъ среды мохэ'сцевъ («порѣчанъ») возвысился родъ Су-мо и основалъ могущественное государство подъ названіемъ, которое вытѣснило названіе Мохэ, — «Поморское государство» Бо-хай-го, включавшее въ своихъ границахъ съ 713-927 г. Уссурийскій край, и нынѣшній Посыетскій районъ. Въ періодъ возвышенія и царствованія въ Маньчжуріи народа Киданей — побѣдителей бохайцевъ (поморянь) наше теперь Приамурье, Приморская Область и Южно-Уссурийскій край были владѣніями могущественнаго рода Хэй-шуй (Амурь) скихъ мохэ.

Въ началѣ 12 стол. изъ среды послѣднихъ возвысились потомки древнихъ су-шэнь — нюй-чжи или чжур-чжэни, основавшіе въ Маньчжуріи свою имперію Аісін, или по китайски Цзинь, просуществовавшую до 1234 г. Въ границы этой имперіи безраздѣльно входила нынѣшняя Маньчжурія, а) также При-Зейское пространство и, далѣе на востокъ, лѣвое побережье Амура до самаго устья. Пространство отсюда на югъ, составляющее теперь нашу Приморскую область, было занято стой-

бищами родовъ Тъ-ли, У-да-гай, Ао-шунь, Ъ-лань и др., а сѣверная часть Никольскъ-Уссурійскаго и Ольгинскаго уѣздовъ составляли Айсин'скій округъ Сюй-пинь.

Во время монгольской династїи въ Китаѣ и Маньчжурїи—Юань, прекратившей существованіе чжурчжэньскаго царства, а также въ періодъ династїи Минь (XIII и до конца XVI стол.)—смѣнившей монгольскую, главную массу населенія сѣверовост. Маньчжурїи и въ частности и Приморской области составляли чжурчжэньскія поколѣнія, находившіяся лишь въ номинальной зависимости какъ отъ монголовъ, такъ и вслѣдъ за симъ отъ китайской династїи Минь.

Въ началѣ XVII ст. изъ среды Цзянь-чжоу'скихъ чжурчжэней возвысились потомки прежнихъ мохэ, соплеменники Бохайцевъ—маньчжуры, подъ каковымъ названіемъ были объединены 68 племенъ. Мѣстопробываніемъ ихъ была Центральная и Сѣверная Маньчжурїя того времени, т. е. теперешняя русская территория въ бассейнѣ Нижняго Амура, Уссури, Суйфуна и Тумынь. Центральная и южная части Приморской области, включая и ея юго-восточное морское побережье, были заселены восточно-приморскими веэі.

III.

Прошедшіе длинной чередой, на протяженіи многихъ столѣтїй, народы и племена, исчезнувшія государства, владѣнія которыхъ, въ той или иной мѣрѣ охватывали нашъ Амурскій край, оставили многочисленныя памятники своего пребыванія, показывающіе ту или иную ступень культуры ихъ бытія. Остат-

ки древности, частью скрытые въ ближайшихъ къ поверхности слояхъ земли, частью же находимые на поверхности ея, встрѣчаемые случайно, или же планомерно отыскиваемые, слѣдуетъ разсматривать какъ наслѣдіе ближайшихъ къ намъ, не ранѣе VIII стол. по Р. Х., эпохъ.

Хотя случайныя и диллетантскія находенія остатковъ древности преобладаютъ надъ спеціальными изысканіями лицъ, научно и технически подготовленныхъ къ этому, тѣмъ не менѣе, слѣдствіемъ энергіи и научной любознательности отдѣльныхъ лицъ, старожиловъ нашего края, является наличіе многочисленныхъ и цѣнныхъ для науки археологическихъ находокъ.

Сводка послѣднихъ обрисовываетъ границы различныхъ пунктовъ Амурскаго края, отмѣченныхъ въ исторїи, какъ мѣстопробываніе тѣхъ или иныхъ племенъ и ихъ полукочевыхъ государствъ; такими интересными въ археологическомъ отношеніи поверхностями являются верховья Амура, мѣстности по р. Зеѣ, среднее и нижнее теченіе Амура включительно до Николаевска, Приморская область и бассейнъ Уссури.

Все разнообразіе извѣстныхъ въ настоящее время остатковъ древности Амурскаго края можетъ быть перечислено здѣсь въ слѣдующемъ видѣ: 1. Ямы—жилые, большія пещеры, 2. укрѣпленія, башни, глиняные валы, 3. древнія дороги, 4. древніе города и поселенія, 5. кухонные остатки, 6. курганы, 7. древнія гробницы и кладбища, 8. каменные издѣлія и оружіе, 9. каменные орудія, печати, монеты, бронзовыя и мѣдныя издѣлія, 10. изображенія на камнѣ, надписи и др.

За всѣмъ тѣмъ, слѣдуетъ высказать предложеніе, что, помимо извѣстныхъ намъ остатковъ древности, имѣющійся въ «скрытомъ» для насъ состояніи, археологическій матеріалъ значительно богаче и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи.

Приведенные въ извѣстность остатки древности вызываютъ необходимость предуготовить ихъ въ качествѣ матеріала для изученія исторіи Края, для чего слѣдуетъ примѣнить къ нимъ надлежащую классификацію и сдѣлать описаніе ихъ.

По отношенію къ случайнымъ находкамъ слѣдуетъ популяризировать въ краѣ идею бережнаго отношенія къ находкамъ и, по возможности, необходимости направленія ихъ въ Музей Общества Изученія Амурскаго Края. Археологическій же матеріалъ, возможный какъ результатъ раскопокъ, опредѣляетъ нужду въ подготовкѣ руководителей и специалистовъ, вооруженныхъ научными методами при непремѣнномъ условіи знанія китайскаго и маньчжурскаго языковъ: раскопки безъ надлежащей подготовки въ методахъ и техникахъ веденія ихъ могутъ быть безрезультатны или даже принести вредъ для науки.

Къ матеріаламъ, случайно найденнымъ и тѣмъ, которые могутъ быть получены путемъ специальныхъ раскопокъ, ввидѣ общихъ мѣропріятій крайне желательны: а. контрольные экскурсіи въ мѣстности древнихъ остатковъ, б. регистрація новыхъ находеній и в. выработка и примѣненіе запретительныхъ мѣръ по охранѣ здѣсь памятниковъ древности.

Послѣднее тѣмъ болѣе необхо-

димо, что многія древности быта и вообще археологическіе памятники во многихъ мѣстахъ Амурскаго края были разрушены и разрушаются жестокимъ образомъ, и тѣмъ самымъ историкъ Края лишается цѣннѣйшихъ матеріаловъ.

Богатое наслѣдіе разнообразныхъ древнихъ остатковъ, могущихъ служить основаніемъ для изученія исторіи края, требуетъ безусловно бережнаго и внимательнаго къ себѣ отношенія, планомѣрнаго изученія, приведенія въ извѣстность и поисковъ другихъ памятниковъ древности постепеннаго образованія кадра свѣдущихъ, специально подготовленныхъ къ этому лицъ.

Указанныя необходимыя мѣропріятія по отношенію къ древностямъ возможны при условіи разработки научнаго принципа изученія археологіи края для его исторіи, какъ очередной задачи краевѣднія.

Эту высокую культурно-научную обязанность передъ краемъ могутъ выполнить Восточный Институтъ и Общество Изученія Амурскаго Края, если послѣднее, совместно съ Хабаровскимъ Отдѣломъ Р. И. Г. О., возбудитъ соответствующее ходатайство объ учрежденіи при Восточномъ Институтѣ кафедры, хотя бы по нѣкоторымъ, наиболѣе здѣсь необходимымъ, дисциплинамъ археологіи, именно: палеографія, эпиграфика, нумизматики и древняго быта.

И тогда исторія края по даннымъ археологіи получитъ богатѣйшій, крайне необходимый матеріалъ и надлежащее освѣщеніе, а то и другое въ своей совокупности принесетъ для Краевѣднія цѣнные научные и практическіе результаты.

А. В. Гребенщиковъ.

Больные вопросы приморской деревни.

Вопросъ о систематическомъ наводненіи контрабанднымъ спиртомъ Приморской области—вопросъ ни для кого не новый. О немъ въ свое время много говорилось и писалось, какъ на страницахъ мѣстной прессы, такъ и въ спеціальному изданіи статистическаго отдѣла Приморскаго переселенческаго района.

Въ настоящее время, не извѣстно, въ силу какихъ обстоятельствъ, этотъ острый вопросъ, какъ-то отодвинулся на задній планъ,—о немъ забыли и только лишь ежедневныя сообщенія въ хроникѣ о новыхъ и новыхъ протоколахъ напоминаютъ о существованіи этого отрицательнаго фактора, творящаго свою разрушающую работу всякихъ положительныхъ начинаній. Было бы понятнымъ и даже объяснимымъ такое умалчиваніе въ томъ случаѣ, если бы вопросъ былъ поставленъ на путь къ окончательной его ликвидаціи, но дѣйствительность и особенно факты говорятъ совершенно иное: именно теперь этотъ вопросъ принимаетъ болѣе острия формы и пагубность его вліянія можетъ обнаружиться гораздо рельефнѣе на фонѣ такихъ крупныхъ событій дня, какъ наборъ, наводненіе и неурожай.

Истина, что русскій человѣкъ пьетъ и съ горя, пьетъ и съ радости, особенно можетъ быть подчеркнута въ настоящій моментъ, когда горя у приморскаго крестьянина слишкомъ и слишкомъ много. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на ту экономическую конъюнктуру, которая содалась теперь въ деревнѣ, чтобы понять и оцѣнить, какую роль игра-

етъ при этомъ контрабандный спиртъ. Такъ какъ далеко не всѣмъ извѣстно, въ чемъ же именно выражается экономическое недомоганіе деревни, то позволяемъ себѣ здѣсь же въ общихъ чертахъ и цифрахъ подвести итоги прошлаго и нынѣшняго годовъ.

Для всей Приморской области прошлый 1914 годъ ознаменовался двумя крупными бѣдствіями: неурожаемъ и наводненіемъ, причемъ отъ послѣдняго въ 368 селеніяхъ погибло 192 человѣка, 3148 головъ скота, 46,118 десятинъ посѣвовъ и 35.372 десятины сѣнокосовъ¹. Разрушено и попорчено, не считая мелкихъ потерь изъ утвари и сельско-хозяйственнаго обихода, 211 жилыхъ и 265 нежилыхъ построекъ, общая же цифра потерь, причиненныхъ наводненіемъ вмѣстѣ съ дефицитомъ отъ неурожая, составляютъ солидную сумму, которая всей своей тяжестью легла на бюджетъ крестьянина. Въ настоящемъ 1915 г. къ перечисленнымъ уже недочетамъ прибавляются еще болѣе крупныя потери, отъ новаго неурожая и новаго наводненія. Однако, чтобы не быть голословнымъ, обратимся къ цифрамъ, какъ къ объективному показателю суровой дѣйствительности.

Изъ всей посѣвной площади, опредѣляемой въ этомъ году въ 221547 десятинъ, наводненіемъ уничтожено окончательно 63142 дес. и частью 55760 дес., что въ общемъ итогѣ составитъ 118,912 дес., или 53,6% всѣхъ посѣвовъ. Кромѣ того урожай

¹) Всѣ цифровыя данныя въ настоящей статьѣ взяты авторомъ изъ изданій стат. отд. Примор. переселен. района за 1914—15 г.г.

на оставшихся 102635 дес. определенъ ниже-средняго, т. е. приблизительно самъ 1—3, поэтому безошибочно можно сказать, что чистый сборъ этого года не въ состояніи будетъ дать то, даже минимальное, количество, которое необходимо для продовольствія населенія.

Къ сказанному остается добавить еще окончательно погибшія отъ наводненія 143917 десятинъ сѣнокосовъ, чтобы тѣмъ самымъ закончить картину экономического состоянія деревни. Если теперь сопоставить результаты указанныхъ событій съ ненормальнымъ явленіемъ присутствія контрабанднаго спирта въ краѣ, то выводъ можетъ быть лишь одинъ: употребленіе спирта еще въ большихъ размѣрахъ явится непремѣннымъ слѣдствіемъ тяжелой причины недорода... Нужны самыя экстренныя, самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы спасти и морально и матеріально деревню въ дни ея тяжелыхъ испытаній.

Репрессіи, какъ показываетъ жизнь, едва ли могутъ быть дѣйствительнымъ средствомъ борьбы. Поимка контрабандистовъ, конфискація спирта, запрещеніе продажи — все это не уничтожаетъ самой причины, а лишь сокращаетъ, и то не всегда, число лицъ, занимающихся контрабанднымъ промысломъ. Кадры же послѣднихъ постоянно пополняются новымъ элементомъ, а повышение степени риска при доставкѣ увеличиваетъ лишь цѣны на спиртъ. Слѣдовательно репрессіи, какъ мѣры, предназначенныя къ окончательному искорененію зла, не могутъ быть признаны достаточными. Нужно искать другіе способы, болѣе рациональные и радикальные, а для этого слѣдуетъ вникнуть въ корень

затрагиваемаго вопроса.

Извѣстно, что спиртъ нелегальнымъ путемъ ввозится въ Приморскую область изъ Китая, что въ Маньчжуріи съ этою цѣлью организована цѣлая сеть винокуренныхъ заводовъ, что не только денежные средства, какъ плата за спиртъ, уходятъ за границу, но и золото, — поэтому только съ закрытіемъ указанныхъ заводовъ, хотя бы въ пограничной съ нами полосѣ, будетъ вырванъ корень зла, а съ помощью уже репрессивныхъ мѣръ и окончательная ликвидація большого вопроса приморской деревни.

Осуществленіе указанныхъ мѣръ можетъ быть достигнуто лишь путемъ дипломатического соглашенія, въ качествѣ компенсаціи за тѣ услуги, которыя оказываетъ наше правительство китайскому. Такъ напримѣръ, русскимъ правительствомъ принимается рядъ мѣръ къ недопущенію ввоза въ Китай опиума черезъ русскую границу. Съ этою цѣлью, помимо таможенного досмотра, не такъ давно опубликовано запрещеніе сдавать въ аренду земельные участки подъ посѣвъ мака, даже и въ томъ случаѣ, когда это составляетъ главную статью дохода крестьянскаго хозяйства. Кроме того, идя навстрѣчу интересамъ китайской соляной монополіи, были закрыты богатѣйшіе соляные промыслы въ бухтѣ «Экспедиція».

Наличіе упомянутыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поддержанію государственныхъ и финансовыхъ интересовъ Китая, даютъ законное право русскому правительству настаивать на закрытіи винокуренныхъ заводовъ въ сѣверной Маньчжуріи.

И. Боровскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ ПРИАМУРЬѢ.

«Необходимо помнить, что добыча золота имѣетъ первостепенное значеніе, какъ измѣритель благосостоянія цивилизованныхъ народовъ. Государство, не имѣющее твердой валюты, предназначено къ прозябанію, а не къ развитію».

Гр. Витте.

За послѣднее время въ прессѣ, посвященной интересамъ отечественной золотопромышленности, оживленно дебатруется вопросъ о добываніи золота въ рѣкахъ Амурскаго бассейна. Мощныя системы Джалиндинскихъ, Зейскихъ, Ниманскихъ и Амгунскихъ приисковъ снова привлекаютъ вниманіе промышленниковъ и специалистовъ, а почти законченная постройкой Амурская желѣзная дорога и усиленное дальневосточное портостроительство, рисуя въ будущемъ для хозяйства, торговли и промышленности нашего Приамурья болѣе широкія перспективы вообще, обѣщаетъ не только улучшеніе общихъ условій жизненной обстановки на далекой окраинѣ, но и большую интенсивность въ развитіи дальневосточной промышленности и въ частности золотого промысла.

Если еще задолго до войны реформы въ корнѣ неправильной организациі русскаго золотопромышленнаго дѣла признавались необходимыми, — то въ настоящее, особенно тяжелое для насъ, время тѣ рациональныя мѣры, которыя должны были бы уменьшить, если не прекратить совершенно хищничество и спекуляціи, содѣйствовать успѣху въ смыслѣ поднятія добычи золота и обезпечить правильное поступленіе его въ казну — нужно признать безотлагательными. Именно въ настоящій моментъ, когда напряженіе экономическихъ силъ страны достигаетъ наивысшихъ точекъ, и государству, volens-

volens, приходится значительно расширить рамки своихъ повседневныхъ задачъ, вопросъ о Россійской золотопромышленности вообще и о Приамурской въ особенности принимаетъ еще болѣе острую форму.

Тому, кто близко знакомъ съ существующимъ положеніемъ дѣлъ въ золотопромышленныхъ предпріятіяхъ сѣверо-восточной Сибири и Приамурья, приходилось, конечно, не разъ сталкиваться съ жгучимъ по нынѣшнимъ временамъ вопросомъ о нелегальной скупкѣ и сбытѣ золота за границу¹.

Всѣ принимавшіяся до сихъ поръ мѣры къ прекращенію отлива отечественнаго золота, благодаря существующему закону о свободномъ обращеніи этого металла, были настолько примитивны, что говорить о какихъ-нибудь реальныхъ результатахъ, достигнутыхъ вслѣдствіе примѣненія этихъ мѣръ, совершенно, не приходится, а самое понятіе о «нелегальной» скупкѣ, наряду съ существованіемъ того же закона, само по себѣ становится пустымъ звукомъ. Насколько солидны операціи по скупкѣ золота и по переотправкѣ его за границу, можно судить, хотя бы по тому, что съ каждымъ годомъ число скупщицевоу замѣтно увеличивалось и увеличивается по нынѣ, обороты по скупкѣ ими металла выражаются въ очень крупныхъ суммахъ — въ то время, какъ количество вольноприносительскаго золота, сплавляемаго въ казенныхъ и частныхъ лабораторіяхъ, оставалось или безъ значительныхъ измѣненій въ сторону повышеній или, какъ

¹) Пишущій эти строки слишкомъ два года пробылъ въ крупнѣйшемъ золотопромышленномъ дѣлѣ Россіи и имѣлъ возможность на практикѣ познакомиться съ затрагиваемымъ имъ вопросомъ.

наблюдается въ настоящее время, рѣзко понизилось поступленіе золота для сплава. Последнее, конечно, находится въ тѣсной зависимости съ запрещеніемъ легальной продажи спиртныхъ напитковъ, благодаря чему значительная часть золота, добываемаго въ предѣлахъ Приамурскаго края, обмѣнивается на китайскій спиртъ и также уходитъ за границу.

Съ перваго взгляда, казалось бы, какъ и всякая торговля, занятіе скупкой золота не содержитъ въ себѣ ничего преступнаго. Однако последнее не только тормозитъ развитіе мелкой золотопромышленности, но является большимъ зломъ и для болѣе крупныхъ предпріятій.

Мелкій предприниматель, не имѣющій въ большинствѣ случаевъ достаточныхъ средствъ для разработки пріиска хозяйственнымъ способомъ, ведетъ обыкновенно работы при помощи «старателей», т. е. работающих за свой собственный страхъ и рискъ людей¹⁾. За право «старанія» владѣлецъ принимаетъ съ каждаго отдѣльнаго или артели старателей установленную имъ самимъ плату и назначаетъ по собственному же усмотрѣнію ту сумму, которую намѣренъ платить за каждый золотникъ доставляемаго ему золота. Последнее было бы не такъ губительно для развитія промысла, если бы золотопромышленникъ не обзаводился со специальными цѣлями амбаромъ или магазиномъ и не обязывалъ работающих у него людей всѣ необходимые имъ для жизни и работы припасы, одежду, инструменты и пр. закупать только у него. Такимъ образомъ золотопромышленность отходитъ на задній планъ и въ интересахъ владѣльца неуспѣшная разработка той или иной золотоносной площади, а,

¹⁾ У насъ въ Приамурѣ главный контингентъ старателей—*китайцы*. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ жур. «Золото и Платина» помѣщена статья, указывающая, что до настоящаго времени китайцы представляли собою 75—82% общаго контингента золотоприисковыхъ рабочихъ въ Приамурѣ и что удаленіе ихъ вызоветъ паденіе добычи золота въ Восточной Сибири, дающей $\frac{2}{3}$ общей добычи золота, т. е. около 2000 пуд. въ годъ. Въ настоящее время контингентъ золотоприисковыхъ рабочихъ-китайцевъ составляетъ 96% общаго количества рабочихъ. Къ сожалѣнію почтенный журналъ не дѣлаетъ подраздѣленій между китайцами-старателями и китайцами хозяйскими рабочими.

главнымъ образомъ, привлеченіе возможно большаго количества старателей и наиболѣе выгодная торговля. Вслѣдствіе же того, что назначенная золотопромышленникомъ плата за золото обыкновенно ниже той, которую даютъ скупщики, то и золота ему попадаетъ столько, сколько принесутъ старатели за товаръ. Большая часть добытаго приобрѣтается скупщиками, такъ какъ старатель несетъ золото тому, кому выгоднѣе, естественно, его сдать.

Ни одно промышленное дѣло не можетъ существовать безъ капитала и тѣмъ болѣе золотопромышленность. Только капитализація золотого промысла искоренитъ амбары и хищничество и тѣмъ самымъ обезпечитъ правильную постановку золотопромышленнаго дѣла. Будетъ ли это капиталъ частный или государственный—безразлично, но для болѣе быстраго развитія, конечно, желательно было бы задачу капитализаціи золотопромышленности передать въ руки государства.

На пріискахъ болѣе крупныхъ предпріятій жажда легкой наживы нерѣдко побуждаетъ рабочаго утаивать найденное имъ во время работъ золото или же пускаться въ болѣе рискованныя авантюры: забираться съ опасностью для жизни въ старыя, отработанныя шахты, «копачить» и хищничать. Добытое такими путями золото всегда съ охотой приобрѣтается скупщиками, а ободренный, обильно оплачиваемымъ усилѣхомъ, рабочій нерѣдко идетъ по скользкому пути профессионала-хищника.

Сфера дѣятельности скупщика, какъ казалось бы, не должна выходить за предѣлы простыхъ спекуляцій, но дѣйствительность показала совершенно другое. Только теперь, когда, несмотря на общій застой и безденежье, скупщики не только не прекратили, но значительно усилили спросъ на золото, стало ясно, что за ихъ спиной стоятъ, несомнѣнно, солидныя организациі и безусловно не русскаго происхожденія.

Не въ нашихъ интересахъ, конечно, допускать отливъ золота изъ Россіи въ столь тяжелое для нея время, а потому и возражать противъ необходимости государственнаго вмѣшательства въ область

стройнаго функціонированія народно-хозяйственнаго организма не приходится.

Только въ возможно скорѣйшемъ пересмотрѣ устарѣвшихъ и значительно расходящихся съ требованіями жизни законоположеній о золотомъ промыслѣ, только въ выработкѣ новыхъ практическихъ законовъ, точно нормирующихъ права и обязанности золотопромышленниковъ, и можетъ выразиться вмѣшательство государства.

На страницахъ дальневосточной прессы нерѣдко отмѣчалось, что въ Приамурьѣ въ первую очередь необходимо создать въ приисковыхъ районахъ кадры постоянныхъ рабочихъ. Пока не будетъ здѣсь рабочихъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о правильной добычѣ золота. Никакія льготы для доступа желтыхъ на прииска, никакія техническія усовершенствованія при настоящемъ положеніи золотопромышленности въ край не смогутъ увеличить добычу золота. Только государству при непосредственномъ участіи переселенческаго вѣдомства было бы подъ силу создать въ приисковыхъ районахъ постоянные кадры рабочихъ, и въ этомъ дѣлѣ переселенческое управленіе сыграло бы немаловажную роль, создавая въ районахъ приисковъ поселки крестьянскаго типа и тѣмъ самымъ осу-

ществляя планъ организациі кадровъ постоянныхъ рабочихъ. Параллельно съ этимъ нельзя не высказаться и за изданіе новаго закона, разрѣшающаго допущеніе кустарнаго золотого промысла, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ прибрежная полоса судоходныхъ рѣкъ Приамурья не привлекаетъ вниманія золотопромышленниковъ и допущеніе мелкаго промысла только въ этой полосѣ не внесло бы ничего вреднаго въ дѣло разработки таежныхъ приисковъ. Практически разрѣшить этотъ вопросъ возможно было бы путемъ легализациі правъ каждой вольной артели на небольшой прибрежный участокъ съ ограниченіемъ срока эксплуатаціи по типу оброчныхъ статей и съ взиманіемъ за это опредѣленной платы въ пользу казны.

Въ виду важности и выдающагося значенія вопроса о государственномъ вмѣшательствѣ нельзя не отмѣтить, конечно, и тотъ существенный фактъ, что при капитализациі золотого промысла явится возможность разрабатывать не только рассыпное золото, но и рудное, которымъ Приамурскій край располагаетъ въ очень большомъ количествѣ и о которомъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, золотопромышленники только мечтаютъ.

Арнольдъ Фридендеръ.

Брызги пера.

Безалкогольныя студенческія пѣсни.

(Старые мотивы на новый ладъ).

* * *

Быстры, какъ волны, дни нашей жизни.
 Что часъ, то короче къ могилѣ нашъ путь.
 Налей, налей, товарищъ, безвредной Куваки,
 А прежнюю водку, смотри, позабуди!

Мы вамъ бокаль подносимъ,
 Выпить квасу просимъ
 Съ нами, съ нами, съ нами,
 Съ добрыми друзьями.

Прекрасно созданъ Божій свѣтъ!
Чудесь я много въ немъ встрѣчаю,
Но одного недостаетъ,
Зачѣмъ же море не изъ чаю?

Такъ наливай, братъ, наливай
Безалкогольный квасъ или чай.
Такъ наливай, братъ наливай,
А про вино не вспоминай!

Проведемте, друзья,
Эту ночь веселій.
Пусть студентовъ семья,
Молоко пьетъ дружнѣй!
Будемъ сливки мы пить,
Пока учимся здѣсь,
Будемъ жить, не тужить,
Коль коровушки есть!

«Д.»

Студенческая редакціонная комиссія въ лицѣ предсѣдателя А. П. Фридендери.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО КРЕДИТА (БЫВШ. МЕЛКАГО КРЕДИТА).

Свѣтланская, 12.

15,19

Съ 1-го октября с. г. введенъ въ дѣйствіе новый уставъ, которымъ установленъ 10% членскій взносъ и допущенъ высшій кредитъ въ 12.500 руб., причемъ, впредь до измѣненія, Совѣтъ опредѣляетъ открывать кредиты до 2.500 руб. О-во производитъ всѣ банковскія операціи, ВЗИМАЯ при учетѣ векселей 11% и ПЛАТЯ: по простому текущему счету 6%, по усл. тек. сч. и по вкладамъ безсрочнымъ 6 1/2% и по вкладамъ сроч. отъ 7 до 8%, въ зависимости отъ срока.

Курили-ли Вы лучшія папиросы, чѣмъ
„ЭКСТРА“ и „ТРИУМФЪ“?
Л. К. КОНСТАНДИ.

5,6.

Военно-офицерскія и гражданскія вещи, Золотошвейная и шапочная
М А С Т Е Р С К А Я

ДВОРКИНА.

Владивостокъ, Свѣтланская улица, домъ Унтербергеръ. Тел. 792. 5,17.

ОТКРЫТА роскошная зимняя ВЕРАНДА

Свѣтланская, рядомъ съ садомъ Невельскаго.

ЗИМНІЙ САДЪ-КАФЕ.

РОСКОШНАЯ ОБСТАНОВКА.

УЮТНО И КОМФОРТАБЕЛЬНО.

ВСЕГДА МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЛУЧШІЕ

ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ,

чай, кофе, шоколадъ, какао и всѣ молочные продукты. Мороженное и сорбѣ.

Всегда свѣжіе: пирожное, печеніе, пирожки, растеган, кулебяки, холодныя и горячія закуски.

Ежедневно отъ 11 ч. дня „PLATS DU JOUR“.

Особое вниманіе обращено на безукоризненность прислуги. Кухня подъ наблюдениемъ извѣстнаго кулнара Милла.

10,16. Съ почтеніемъ Бордъ и Ко.

ЮВЕЛИРЪ С. И. НОВАКОВЪ.

Владивостокъ, Свѣтланская ул. № 23.

5,12

Театръ-Иллюзионъ**„ИДИЛЛИЯ“**

Картины исключительно новыхъ выпусковъ лучшихъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ. 10,9

К О Ф Е**ЖАРЕННЫЙ И МОЛОТЫЙ**

СОБСТВЕННОГО ПРИГОТОВЛЕНИЯ

ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖИЙ.

Торговый Домъ

Братья Петерець.

15,10

Ф. Н. ВАСИЛЬЕВЪ.**АПТЕКАРСКИЕ И ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ.**

5,14

Владивостокъ, Свѣтланская 17, у вѣдука.

Варшавскій салонъ.

Свѣтланская № 59.

Пріемъ заказовъ и передѣлокъ всевозможныхъ дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ, костюмовъ, пальто, шляпъ и пр.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ муфтъ, горжетокъ, шапокъ и капоровъ.

ИСКУССТВЕННЫЯ ЦВѢТЫ.

Семьямъ призванныхъ вояновъ и бѣженцамъ скидка. 3,1

Швейцарскій Ювелирно-Часовой магазинъ

ЛЕЙБОШЕЦА

Владивостокъ. Свѣтланская ул., противъ Городского сада.

Собственная художественная ювелирно-граверная и часовая мастерская. За работы удостоенъ двумя золотыми медалями. 3,11

Оптоворозничные магазины

товарищества

ГРУШКО И ЧЕРНЕГА

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Всегда имѣется въ большомъ выборѣ:

ОБУВЬ МАНУФАКТУРА, БѢЛЫЕ**ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ**

мужское, дамское и дѣтское.

ОБОИ**КЛЕЕНКА****ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ.**

25,20

ПРИДВОРНЫЙ ФОТОГРАФЪ
ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНАГО ПРИНЦА СІАМСКАГО
Ф. И. ПОДЗОРОВЪ.

Удостоенъ Высочайшей награды 2-хъ большихъ золотыхъ медалей и жетона на выставкахъ Grand Prix.
Владивостокъ, Свѣтланская ул., д. Федорова. 15,7.

Импортно-Экспортная Контора Торговаго Дома ФИРМЫ

„К І О С И Н Ш А“

15,2.

Вольшой выборъ всевозможныхъ японскихъ товаровъ. Приемъ заказовъ на металлическія и химическія издѣлія. ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ РИСА. Владивостокъ, Алеутская ул. тел. № 302.
ОТДѢЛЕНИЯ: Хабаровскъ, Благовѣщенскъ, Харбинъ, Фузанъ и Кобе. Рисоочистительный заводъ.

АЛЕБАСТРЪ (КОМКОВЫЙ),

СМОЛА ГАЗОВАЯ (ЖИДКАЯ) ПАКЛЯ СМОЛЕНАЯ (высшій сортъ),

ЦЕМЕНТЪ „ОКОДА“ И ГВОЗДИ КОРАБЕЛЬНЫЕ

Предлагаетъ со склада Торговый Домъ Бринеръ, Кузнецовъ и К^о
25,22 Товарный Отдѣль.

Х. А. ЦИММЕРМАНЪ

Владивостокъ, Свѣтланская № 10

ОТДѢЛЬ ПОСТАВОКЪ.

Мясо свѣжее и мороженное. Сало съѣстное, для мыловаренія и смазочное. Сало свиное топленое. Капуста квашеная. Огнеупорный кирпичъ, глина и проч.

ОТДѢЛЬ МУЧНОЙ.

Крупчатка лучшаго качества всѣхъ сортовъ. Мука пшеничная и ржаная. Отруби. Собственная паровая вальцевая мельница.

ОТДѢЛЬ ПАРОХОДСТВА.

Агенство п/х «Ханметъ». Пароходъ-рефрижераторъ. Приемъ грузовъ и перевозка пассажировъ въ порты Китая и обратно. Работы по буксированію баржъ. Паровой катеръ «Чита».

ТЕЛЕФОНЫ: Конторы № 58, мельницы № 56, квартиры № 378.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

„ВСЕОБЩАЯ КОМПАНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА“

Владивостокское Отдѣленіе. Свѣтланская 59, телеф. 97.

СОБСТВЕННЫЕ ЗАВОДЫ въ Петроградѣ, Москвѣ, Харьковѣ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

„General Electric Company“
въ Америкѣ.

„British Thomson Houston Comp.“
въ Англии.

Обширный складъ матеріаловъ и принадлежностей для электрическаго освѣщенія и передачи силы.

Имѣются въ продажѣ американскія лампы „Эдисона“. 25⁴

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
РУССКО-АЗІАТСКАГО БАНКА

Алеутская улица, №18.

Сдаеть въ наемъ стальные безопасные ящики, установленные въ специально построенной бронированной кладовой, вполне безопасной отъ пожара и взлома.

Цѣны за ящики отъ 5 до 12 руб. въ годъ.

25,21

БАЙХОВЫЕ ЧАИ
И. Ф. ЧИСТЯКОВА.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Харбинь-Пристань.

ОТДѢЛЕНІЯ: Ст. Маньчжурія, Верхнеудинскъ,
 Благовѣщенскъ и Владивостокъ.

25,23

Торговый Домъ

К у н с т ь и А л ь б е р с ь

Основанъ въ Приамурскомъ краѣ въ 1864 г.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ.

СКЛАДЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ и ОРУДІЙ.

ТЕХНИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

КОМИССИОННО-ТРАНСПОРТНАЯ КОНТОРА.

БАНКІРСКАЯ КОНТОРА.

25,15

НОВЫЯ ПАТЕНТОВАННЫЯ КАЛИЛЬНЫЯ СѢТКИ

„РЕКОРДЪ“

не распающіяся при снятіи съ горѣлки и выдерживающія сотрясенія и толчки. **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!**

Для фонарей «Люксъ» и другихъ системъ имѣются на складѣ у единственныхъ представителей для Дальняго Востока Торговаго Дома

ЮГАННЪ ЛАНГЕЛИТЬЕ и К^о

25,18

Торговый Домъ
О. В. Линдгольмъ и К^о.

ПОДГОРОДНЕНСКІЯ
КАМЕННОУГОЛЬНЫЯ КОПИ

(28-я верста по ж. д. отъ Владивостока).

Паровая Вальцевая Мельница

въ г. Никольскѣ-Уссурійскомъ.

ПАРОВОЙ РЫБОЛОВНЫЙ ТРАЛЛЕРЪ.

Главная контора: Владивостокъ, Свѣтланская, д. Вальдена,
 телефонъ № 126.

Мучной складъ: Семеновская 23, телефонъ № 969.

50,2

КОФЕЙНАЯ И КОНДИТЕРСКАЯ

Свѣтланская 51. **КОКИНА** Телефонъ 20.

ДЕЖУРНЫЯ БЛЮДА.

Растягаи, пирожки, кулебяки.
 Ежедневно съ 10 час. утра шашлыки
 изъ молодого барашка.
 Ассортиментъ холодныхъ закусокъ.
 Кухня подъ руководствомъ столичн. повара.
 Мороженое, Мазагранъ, Грена-
 динъ, Оршадъ, Кефиръ.
 Русскіе и иностранные журналы и газеты.

МЕНЮ А LA CARTE.

Крабы. Чилимсы.

Первоклассная ● ● ●
 ● ● ● **билліардная.**

8 лучшихъ билліардовъ.

Билліарды для крамблей.

Боксъ-болль.

Шахматный кабинетъ.

Кофейная и билліардная открыты до 1 ч. ночи.

50,3

Интеллигентная БЪЖЕНКА

(полька), изъ хорошей семьи, нуждается въ трудѣ. Предлагаетъ уроки польскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ крайнемъ случаѣ согласна по хозяйству. Узнать 3-я Портовая № 11. Б.,00.

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ КУПЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО КРЕДИТА.

Свѣтланская ул. д. 23, телеф. №№ 109 и 712

Адресъ для телеграммъ: „Взаимный“.

ОБЩЕСТВО ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВСКІЯ ОПЕРАЦІИ, КАКЪ-ТО: УЧЕТЪ ВЕКСЕЛЕЙ,

Сеуды и онкольные счета подъ товары, товарные документы, 0/0-я бумаги и проч. ПЕРЕВОДЫ на все города Россіи.

Разнаго рода инкассовыя и комиссіонныя порученія

ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЬГИ ВО ВКЛАДЫ ИЗЪ ПРОЦЕНТОВЪ
Срочные отъ 6 до 7 0/0-вѣ | Безсрочные изъ 4 1/2 0/0-вѣ | На текущій счетъ изъ 4 1/2 0/0-вѣ

Новые члены Общества принимаются Приемнымъ Комитетомъ еженедѣльно.

Каждый членъ Общества можетъ пользоваться кредитомъ отъ 1000 р. до 50000 руб. при 10-ти 0/0-мъ членскомъ взносѣ отъ 100 р. до 5000 рублей.

Касса открыта ежедневно съ 9 1/2 час. до 1 1/2 ч. дня. 25,13.

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО ОТЪ ОГНЯ СТРАХОВАНІЯ

Свѣтланская № 59, рядомъ съ Городской управой. Телефоны № 16 и 131. 25,3

принимаетъ на страхъ строенія и домашнюю движимость.

Общество состоитъ въ Россійскомъ Союзѣ Обществъ взаимнаго отъ огня страхованія, который отвѣчаетъ при пожарахъ за 99 0/0 убытковъ, а осталая сумма т. е. 1 0/0 остается на отвѣтственности Владивостокскаго Общества.

Общество вошло въ соглашеніе съ Ярославско-Костромскимъ и Нижегородско-Самарскимъ Земельными Банками по приему въ залогъ полисовъ Общества. Лицамъ, желающимъ перевести страхованіе своихъ имуществъ во взаимное, необходимо заявить Правленію письменно или словесно, не позже 25 Октября, дабы полисы могли быть доставлены въ Банки своевременно.

Строенія, застрахованныя въ Обществѣ, согласно § 9 устава Россійскаго Союза, принимаются въ залогъ по поставкамъ, подрядамъ и другимъ договорамъ съ казною, а равно въ кредитныя учрежденія, на основаніи дѣйствующихъ по сему предмету правилъ.

Главный магазинъ Торговаго Дома И. Я. ЧУРИНЪ и Ко.

ДАМСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

къ зимнему сезону получены:

МАНТО, САКИ и ПАЛЬТО

изъ каракуля, плюша, англійскаго драпа и пр.

ЦЕЛЕРИНЫ, ГОРЖЕТЫ, МУФТЫ и ШАПКИ изъ модныхъ мѣховъ.

ДѢТСКОЕ ПЛАТЬЕ. 25,8

„ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

№ 1. Къ переселенческому вопросу. — Китай. — Японія. — Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты (ихъ отношенія къ Японіи).

№ 2. Русскій Дальній Востокъ: Амурская жел. дорога. Вопросы народнаго хозяйства. — Китай. — Панамскій каналъ. — Японія: процессъ противъ социалистовъ.

№ 3. Русскій Дальній Востокъ: къ переселенческому вопросу; общее экономическое положеніе; вопросы промышленности и торговли; къ пересмотру русско-китайскаго торговаго договора. — Китай: китайская окраинная политика. Вопросъ о Маньчжуріи и ея богатствахъ. — Японія: внутреннее положеніе страны.

№ 4. Русскій Дальній Востокъ: къ иноводческому вопросу (якуты, тузусы, гиліаки, орочены, чукчи, буряты). — Китай: правительственныя формы и конституціонно-революціонное движеніе. Бѣдствія, постигшія страну: чума, голодъ, разбойничество. — Японія: вопросъ о новомъ таможенномъ тарифѣ. Новый внѣшній заемъ въ Лондонѣ.

№ 5. Русскій Дальній Востокъ: Амурская жел. дорога. Переселенскій вопросъ. — Китай: къ русско-китайскимъ отношеніямъ: нота отъ 10 февраля: мнѣніе русской печати. Отзывы иностранныхъ газетъ.

№ 6—7. Русскій Дальній Востокъ: «желтый» трудъ (его связь съ другимъ вопросомъ въ Сибири). — Кульджа и ея значеніе въ азіатской политикѣ. — Чума въ Маньчжуріи: ея послѣдствія и возбужденіе среди населенія. — Китай: русско-китайское столкновеніе: отзывы провинціальной печати. Последняя стадія русско-китайскихъ переговоровъ. Агитация среди населенія Маньчжуріи. Военныя приготовленія Китая и Японіи. Новая русская нота.

№ 8—9—10—11. Русскій Дальній Востокъ: вопросъ о реформѣ въ области золотопромышленнаго дѣла; пушной промыселъ; къ переселенческому вопросу. — Столкновеніе съ Китаемъ; дипломатическая ликвидація конфликта: военныя приготовленія Китая и Россіи; отраженіе въ русской прессѣ настроенія народа. Движеніе противъ династіи. Роль русской печати; отношеніе русской печати къ конфликту съ Китаемъ; отзывы провинціальной печати.

№ 12. Русскій Дальній Востокъ: горная промышленность въ Сибири: переселенческій вопросъ. Въ ожиданіи чумы въ русскихъ предѣлахъ. — Последняя стадія русско-китайскаго конфликта. — Къ вопросу о русско-китайскихъ отношеніяхъ.

№ 13. Русскій Дальній Востокъ: борьба съ торговлей контрабанды: спиртомъ, мѣры противъ „желтаго“ засилья и рабочій вопросъ въ Примамурьѣ; Амурская желѣзная дорога. — Китай: политическое значеніе послѣднихъ иностранныхъ займовъ. Сухопутныя силы Китая.

№ 14. Вывозные пути Сибири (съ прил. карты сибирскаго Сѣвера): сѣверный морской путь; проекты внутри-обмѣнныхъ путей; тихоокеанское побережье и путь на Колыму. — Лѣсное дѣло на Д. Востокѣ. — Китай: къ русско-китайскимъ отношеніямъ; общее политическое положеніе, монгольскій и маньчжурскій вопросы.

№ 15. Къ вопросу о землеустройствѣ въ Сибири. Часть I: современныя земельныя отношенія на окраинѣ и проектъ ихъ реформы, внесенный въ Государственную Думу. — Неурожай въ Сибири и мѣры борьбы съ его послѣдствіями. — Проверка русско-китайской границы и пересмотръ торговаго договора 1881 года. — Сухопутныя и морскія силы Японіи

C. Powell

„ЧАШКА ЧАЮ“

Дамскимъ комитетомъ Сибирскаго общества помощи больнымъ и раненымъ воинамъ и пострадавшимъ отъ войны 5 октября 1915 г. по Свѣтланской ул. въ домъ Русско-Азіатскаго банка, № 67, открыто кафе съ продажей чая, кофе, шоколада, молока, сэндвичей, домашняго печенія и прохладительныхъ напитковъ.

ЦѢНЫ ВЕСЬМА УМѢРЕННЫЯ.

Чаевыхъ не полагается.

Чистая прибыль обращается на нѣжды больныхъ и раненыхъ воиновъ и бѣженцевъ въ равныхъ доляхъ.

☛ Кафе открыто съ 9 ч. утра до 11 ч. вечера. ☛

Пожертвованія принимаются съ глубокой благодарностью.

КОМИТЕТЪ

**ПО ОКАЗАНІЮ ПОМОЩИ БѢЖЕНЦАМЪ
ВО ВЛАДИВОСТОКЪ.**

Бѣженцевъ въ нашемъ городѣ собралось до тысячи человекъ. Ежедневно прибываютъ десятками. Всѣ они нуждаются въ жилищѣ, одеждѣ, продовольствіи и медицинской помощи. Нужда большая, а средства Комитета ничтожны. Комитетъ обращается къ гражданамъ города съ просьбой оказать

СВЯТОМУ ДѢЛУ ПОМОЩИ БѢЖЕНЦАМЪ

свое посильное содѣйствіе, кто чѣмъ можетъ: деньгами, одеждой, припасами и предоставленіемъ труда.

Пожертвованія принимаются въ канцеляріи Комитета, помѣщающейся по Свѣтланской ул. № 13, въ домѣ г. Гольдештедта (въ бывшемъ помѣщеніи магазина «Диана»).

РАНЕННЫЕ и БОЛЬНЫЕ — ВОИНЫ, —

уволненные въ кратковременный отпускъ или вовсе отъ службы,
прибываютъ сюда непрерывно.

Имъ нуженъ отдыхъ и покой, имъ **нужны деньги,
бѣлье, одежда и обувь.**

ИНЫЕ изувѣчены, больны неизлѣчимо и совершенно къ труду
неспособны, ДРУГІЕ черезъ нѣкоторое время, оправившись,
вернутся въ ряды арміи.

И **этимъ страдальцамъ**, вмѣсто заслуженнаго
отдыха, **приходится жить впроголодь,
безъ крова, безъ одежды** и искать работы,
которой **никто имъ**, изувѣченнымъ, больнымъ и слабо-
сильнымъ, **не даетъ.**

Городской Комитетъ по сбору по-
жертвованій на нужды раненыхъ и
больныхъ воиновъ и семействъ при-
званныхъ

всѣми силами старается скрасить выдачей денегъ и вещей
существованіе этихъ страдальцевъ, но

СРЕДСТВА ИЗСЯКАЮТЪ,

а **притока** пожертвованій **нѣтъ** и близокъ день, когда
придется съ болью въ сердцѣ **отказывать въ
пособіяхъ** или выдавать ихъ въ такихъ размѣрахъ, ко-
торые помощи не принесутъ.

Пожертвованія принимаются только въ Канцеляріи Ко-
митета: Свѣтланская 20. д. Бабинцева, гдѣ былъ ма-
газинъ Чистякова.

